

НК Клуб

Никитский

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 70

**«Можем ли мы преодолеть
экономический кризис?»**

Круглый стол «Можем ли мы преодолеть экономический кризис?»

19 ноября 2014 г.

Участники обсуждения:

Бондурянский Александр Зиновьевич, проректор по учебно-методическому объединению Московской государственной консерватории

Бортко Владимир Владимирович, заместитель председателя Комитета по культуре ГД РФ, режиссер, народный артист России

Вьюгин Олег Вячеславович, председатель Совета директоров ОАО «МДМ-Банк», вице-президент Никитского клуба

Голубев Александр Владимирович, руководитель отдела по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН

Дондурей Даниил Борисович, главный редактор журнала «Искусство кино»

Захаров Александр Владимирович, вице-президент ИК «Еврофинанс»

Лубенченко Константин Дмитриевич, партнер ООО «Юридический центр: право и консалтинг», доцент МГУ им. М. В. Ломоносова

Механик Александр Григорьевич, обозреватель журнала «Эксперт»

Москвин-Тарханов Михаил Иванович, советник Мэра города Москвы

Николаев Игорь Алексеевич, директор Института стратегического анализа ФБК

Полтерович Виктор Меерович, президент Новой экономической ассоциации, академик РАН

Привалов Александр Николаевич, научный редактор журнала «Эксперт», вице-президент Никитского клуба

Сатановский Евгений Янович, президент Института Ближнего Востока

Тамбовцев Виталий Леонидович, профессор экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Фадеев Валерий Александрович, главный редактор журнала «Эксперт»

Заседание вел **А. Н. Привалов**.

А. Н. Привалов

А. Н. Привалов

Начинаем наше очередное заседание. Сегодня будет обсуждаться вопрос: «Можем ли мы преодолеть экономический кризис?». Понятно, что в самой постановке вопроса есть некоторое лукавство: большинство кризисов (не все, но большинство), так или иначе, переживаются. Вопрос в том, какой ценой и за какое время.

Ровно пять лет назад, в 2009 году, наш клуб трижды обсуждал сходные вопросы. В январе 2009 года мы обсуждали: «*Мировой кризис: есть ли шанс для оптимизма?*» и через несколько недель договаривали тему под заголовком «*Неэкономические компоненты мирового кризиса* [Выпуск НК № 40–41]. И в конце года, почти ровно в те же дни, что и сейчас, 24 ноября, мы обсуждали «*Природу мирового кризиса и модернизацию российской экономики*» [Выпуск НК № 45]. Тогда, если вы помните,— я думаю, многие помнят,— был сделан обширный, чрезвычайно интересный доклад Виктора Мееровича Полтеровича насчёт инновационной паузы, в которой он видел всю суть занимавшего нас в то время мирового кризиса.

Я пролистал наши стенограммы и убедился в том, что многое из пятилетней давности разговоров осталось, в общем, вполне актуальным. Что-то, бесспорно,

устарело — там кто-то всерьёз разговаривал о рейтинге Doing Business¹. Сегодня господин Яценюк сообщил, что в текущем году Украина поднялась на 16 позиций в рейтинге Doing Business, что, в общем, вполне показывает, стоит ли об этом рейтинге вообще разговаривать.

В основном же разговоры на тех заседаниях Никитского клуба 2009 г. были вполне релевантные. Но у меня сложилось впечатление, что они были чуть повеселее, чем то, что говорится сегодня. Может быть, потому, что тогда пик того кризиса был уже позади. Может быть, потому, что теперь действительно дела посерьёзнее. И потом тогда очень любили говорить о мировом кризисе и его отношениях с Россией. Сегодня мы говорим о своём собственном кризисе, что тоже, я думаю, сильно меняет набор применяемых аргументов.

Наши уважаемые руководители экономики взяли паузу, они не говорят ничего. Вот не так давно — в общем, это событие по меркам любой страны — глава национального банка [Э. Набиуллина, глава Банка России] выступала, кажется, по Первому каналу национального телевидения и рассказывала нам, что пора бросить эти глупости — измерять устойчивость валюты по её курсу, никого это не интересует, устойчивость валюты надо измерять по инфляции. При том что в стране мало что производится, и валютный курс в инфляцию неизбежно переходит с некоторым лагом, это довольно странные высказывания. Господин Улюкаев, выступая по радио и в газетах, рассказывает, что народу должно быть вообще наплевать, какой курс, потому что он получает зарплату в рублях и тратит в рублях. «Какая разница! Хоть 150 рублей за доллар», — говорил господин Улюкаев. Но вот о том, что делать, чтобы ситуация поменялась в сторону улучшения, разговор ведётся крайне мало. Не знаю, произойдёт ли такой разговор сегодня.

У нас сегодня два начальных докладчика. Сегодня выступает Игорь Алексеевич Николаев, директор Института стратегического анализа, компания ФБК. И будет выступать Валерий Александрович Фадеев, главный редактор журнала «Эксперт». По нашему обычаю каждому из выступающих мы дадим по 15–20 минут. После прослушивания докладов, наверное, зададим вопросы на понимание, а затем и пообсуждаем, если к тому времени созреют тезисы, которые захочется высказать.

Игорь Алексеевич, прошу Вас!

И. А. Николаев

Спасибо за тему обсуждения. Я считаю, что, хотя формально у нас кризиса ещё пока нет, ставить вопрос о том, можно ли из него выйти, — можно и нужно. Как

¹ Doing Business — рейтинг экономик по благоприятности условий ведения бизнеса. Рейтинг имеет 189 позиций. Чем выше позиция страны в рейтинге благоприятности условий ведения бизнеса, тем благоприятнее предпринимательская среда для открытия и функционирования предприятия.

И. А. Николаев

отметил председательствующий на нашем заседании, «обсуждать, конечно, можно», то есть понятно, что, да, лукавство есть в этом вопросе. Но есть вопрос цены выхода из кризиса — когда, с какими издержками.

Я своё выступление назвал вот так, по-простому: «Что происходит? Чего ждать и что делать?». Не претендуя, безусловно, на какое-то программное выступление. Я завершу это выступление тем, что действительно, на мой взгляд, надо делать. Но сначала — несколько слайдов, собственно говоря, для понимания ситуации. Это, наверное, всегда будет полезно. Если посмотреть на главный наш макроэкономический показатель — динамику ВВП, то можно увидеть, что темпы экономического роста по ВВП у нас стабильно снижались последние четыре года (рис.1).

Никаких санкций ещё не было — ни санкций, ни антисанкций. Это важный момент, я бы сказал, очень примечательный — что наша экономика фактически дошла почти до нуля и без всяких санкций. Как известно, у нас за девять месяцев в этом году был прирост ВВП на 0,7% в годовом выражении, а по итогам года ожидаем 0,5%. Во всяком случае, так прогнозирует Минэкономразвития. А в следующем году, по официальным прогнозам, у нас должен произойти разворот к росту: 1,2%, дальше 2,3% и до 3%.

Динамика ВВП, %

1

Инфляция, %

2

Примечание к рис. 1 и 2:

2014 г.— оценка Минэкономразвития, 2015–2017 гг.— прогноз Минэкономразвития.

Источники: Росстат, Минэкономразвития, ФБК.

Честно говоря, когда смотришь на этот график, сразу возникает вопрос: а что такое происходит или произойдёт, что вдруг вызовет коренной перелом в динамике экономического роста? И анализируя то, что происходит, меры, которые озвучиваются, лично мне не очень верится в этот радикальный разворот к экономическому росту.

По нашему прогнозу, с учётом, что в четвёртом квартале 2014 года экономика с очень большой вероятностью уже покажет минус, и с такой динамикой, которая, на самом деле, формировалась годами, мы будем иметь минусовой результат уже в следующем году — по нашей оценке, —2%, а может быть, и хуже.

Что касается инфляции — опять же, что рисуется в планах, в прогнозах, а чего следует ожидать — это две «большие разницы» (рис. 2).

Ну, 7,5%, кстати, накопленной инфляции с начала года мы уже имеем. И хотя официально ещё не отказались от этого прогноза, понятно, что этого не будет. Наша оценка — 9%, а в следующем году уходим на 12%. С чего вдруг, опять же, в следующем году произойдёт коренной перелом и станет лучше, не очень-то понятно. С нового года, кстати, будут разморожены тарифы естественных монополий, которые, как известно, у нас замораживались. У нас достаточно резко должны, и вырастут, не будем сомневаться, цены на бензин, потому что будем воплощать налоговый манёвр, поднимать акцизы и т.д., и т.п. Официальный прогноз — 5,5% в следующем году. Наша оценка — 12%. Получается полярно так. Это инфляция, второй важнейший макроэкономический показатель.

Курс рубля — вы сами все прекрасно знаете. Но график здесь не помешает (рис. 3). Вот что у нас происходило с начала года, до каких отметок дошёл этот курс. Сейчас он вроде как в свободном плавании. Но мы видим, в общем, тенденция вполне ярко выраженная. Международные резервы Банка России — тоже важный показатель, тоже важно учитывать — с начала года они уменьшились более чем на 80 млрд долларов США и сейчас они составляют немногим более 400–428,6 млрд (рис. 4).

Но я напомним, что около этого, около 400, у нас было, когда закончилась первая волна мирового кризиса в 2009 году. С таким показателем мы завершили самый тяжёлый период. А сейчас у нас уже примерно такой показатель, хотя, по большому счёту, всё только начинается. Это тоже важно иметь в виду.

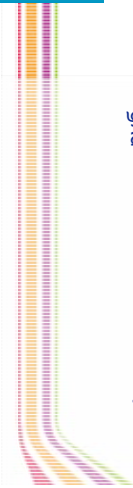
Ещё посмотрите на наши показатели за январь — сентябрь: какой-то рост даёт ВВП, промпроизводство (рис. 5). А вот инвестиции в основной капитал — это очень важно — здесь устойчивая минусовая динамика. Чудес в экономике не бывает: если у вас устойчивая динамика снижения инвестиций в основной капитал, то ваша экономика уйдёт в минус. Я уже говорил — в четвёртом квартале по отношению к третьему с минусом у нас уже будет ВВП. Кстати, строительство (и тоже понятно, это инвестиционноёмкая отрасль) уже в минусе, и достаточно стабильном.

Основные риски я выделил бы такие:

- падающий рубль;
- высокая неопределённость экономической ситуации;

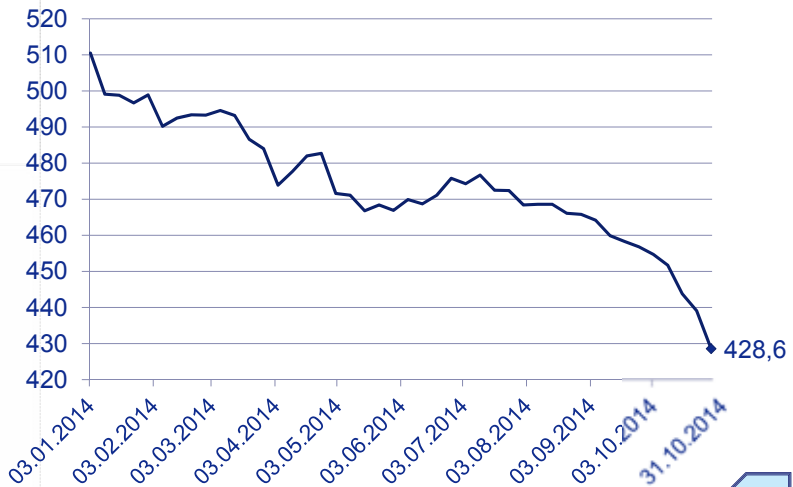
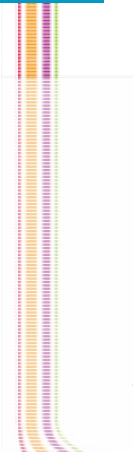
Курс рубля

3

Источник: Банк России

Международные резервы Банка России (млрд долл. США)

Источник: Банк России

4

- геополитическая напряжённость, санкции и антисанкции;
- падение мировых цен на нефть;
- ускоряющаяся инфляция;
- растущая налоговая нагрузка;
- значительный чистый отток капитала;
- саморазвивающийся характер кризиса.

Конечно, в том, что происходит с нашей национальной валютой,— здесь плохие времена совсем ещё не закончились. Рубль падает, мы пока ещё не можем сказать, что он утонул, но тенденция ведёт туда, вниз.

Высокая неопределённость экономической ситуации — вот это очень важный фактор. Почему? Потому что, когда непонятно, что происходит, то бизнес, естественно, перестаёт вкладываться, он хочет понять, он хочет переждать. Кстати, Росстат ежемесячно проводит опросы, опрашивается около 4 тысяч руководителей бизнеса: назовите факторы, которые, по вашему мнению, в наибольшей степени дестимулируют экономическое развитие. Стабильно на первом месте — неопределённость экономической ситуации. Дальше — высокая налоговая нагрузка, низкий внутренний спрос и т.д. Сейчас у нас очень велика неопределённость экономической ситуации.

Естественно, геополитическая напряжённость (санкции и антисанкции) — это тоже риск, и достаточно значительный. Падение мировых цен на нефть. Об этом я чуть подробнее ещё скажу. Об инфляции я уже сказал, в этом году она составит 9%, даже больше. А я напомним, что официальный прогноз — не тот прогноз, с которым обычно сравнивают в оценках ситуации. У нас прогноз меняется раз шесть за год. Самая точная оценка появляется где-то недели за две до Нового года, и говорят: ну, знаете, почти совпало. Ну, ребята, вы бюджет на текущий год принимали исходя из прогнозного уровня инфляции в 4,8% — вот с каким прогнозом надо сравнивать. По итогам года, повторю, инфляция составит 9% или даже больше. Ускоряющаяся инфляция — конечно, это риск.

Растущая налоговая нагрузка. Этот фактор бизнес тоже всегда называет одним из самых важнейших, которые дестимулируют экономическое развитие. Как бы нам ни обещали — и от президента мы слышали, и от правительства, почти от всех руководителей,— что налоговая нагрузка не будет повышаться до 2018 года (с оговоркой: это касается несырьевых секторов), но это же не так. Посмотрите, что планируется с Нового года. Я выделил для себя девять направлений, по которым повышаются налоги. В качестве примера, допустим, следует выделить взносы в Федеральный фонд обязательного медицинского страхования — 5,1% — теперь будут взиматься со всех зарплат, а не только до порогового уровня 624 тысячи. А это очень серьёзная нагрузка на средний бизнес. Это что, не налоги? Я знаю, что найдутся те, кто скажет: «Ну, это не налоги, это страховые взносы». Знаете, когда такое приходится слышать, мне хочется возразить: «Слушайте, для бизнеса это вообще всё равно, как вы это назовёте». Даже Минфин, когда считает налоговую нагрузку, естественно, учитывает в налоговой нагрузке страховые взносы.

Основные экономические показатели январь-сентябрь 2014 г. к январю-сентябрю 2013 г

ВВП	+0,7%*
Промпроизводство	+1,5%
Оборот розничной торговли	+2,3%
Инвестиции в основной капитал	-2,5%
Строительство	-3,3%
Инфляция	+7,1%**

* оценка

** январь-октябрь 2014 г.

Источник: Росстат

5

Прогноз основных экономических показателей на 2015 год

	МЭР	ФБК
ВВП	+1,2%	-2 -4%
Инфляция	+5,5%	+12-14%
Среднегодовой курс рубля к доллару США	37,7	60
Промпроизводство	+1,6%	-4 -6%
Оборот розничной торговли	+1,9%	0%
Инвестиции в основной капитал	+2,0%	-8 -10%

Источники: Минэкономразвития, ФБК

6

Ещё надо выделить значительный чистый отток капитала. По цифрам, что это такое, и что мы имеем. Значит, в этом году мы с большой вероятностью можем превзойти печальный рекорд 2008 года, когда из страны утекло 134 миллиарда долларов США. Сейчас, по оценкам — уже около 120. Так что, мы превзойдём этот рекордный показатель.

Саморазвивающийся характер кризиса. Сейчас проявился ещё и этот фактор. Особенно это видно по тому, что происходило с валютой. Обвиняют спекулянтов, якобы это чуть ли не основной фактор, который всё предопределил. Ну, так этот фактор как-то появился! После чего и становится самостоятельным. То есть кризис принимает такой саморазвивающийся характер. Отсюда вывод — сформировалась устойчивая тенденция к серьёзному ухудшению состояния экономики.

Что касается рубля — я категорически не согласен с тем, что у нас здесь виноваты только спекулянты, и что фундаментальных факторов нет. У нас что, макроэкономическая слабость России — это не фундаментальный фактор? Я не могу представить слабую экономику и сильную национальную валюту. Сейчас я не беру в расчёт какие-то небольшие конъюнктурные движения. Падение мировых цен на нефть — это всерьёз и надолго, это быстро не отскочит, и это тоже фактор фундаментального характера. Достаточно влезть в эту проблему и посмотреть, что действительно там со сланцевой нефтью в США, дать честный ответ на вопрос, почему так ведёт себя Саудовская Аравия, ОПЕК. И надо признать, что это очень серьёзный фактор, и я бы отнёс его к фундаментальным.

Геополитика, безусловно, оказывает своё влияние. Санкции играют роль в причинах падения рубля. Политика Федеральной резервной системы США — было заранее известно, что ФРС прекратит программы количественного смягчения, что и было сделано осенью. Сейчас ФРС заявила, что будет поднимать основные ставки — весной или в середине года, что автоматически удорожает доллар и, соответственно, удешевляет нефть и ослабляет рубль.

Сыграло свою роль и заблаговременное объявление о переходе к свободному курсу рубля. Чисто тактически, конечно, так не делают, когда за несколько месяцев говорят: «А с 1 января рубль будет в свободном плавании». Это, как сказать: «Давайте, бегите покупать валюту! Успеете до 1 января — хорошо; кто успеет, у того будет всё нормально». Это была тактическая ошибка, хотя и не главная причина, потому что есть фундаментальные факторы. Появился дополнительный фактор — ажиотажный спрос на валюту.

Что касается нефти — важнейшего для нас фактора. США фактически стали лидером по добыче нефти. Мало того, со следующего года они превращаются ещё и в страну-экспортёра, и сланцевые перспективы там успешно реализуются. Плюс слабое восстановление мировой экономики. Снижение темпов потребления нефти со стороны Китая. Есть и другие факторы.

Общий вывод: ухудшение социально-экономической ситуации продолжится, преодолеть основные риски не получится.

Прогноз. Наши оценки таковы: мы получим ослабляющийся рубль, среднегодовой курс в следующем году — 60 рублей за доллар. (Не бегите только сразу всё менять!) В минусе будет ВВП — на 2%, как я говорил. Это ещё оптимистичный прогноз. Инфляция — 12–14%. Не снизится только торговля (оборот розничной торговли) (рис. 6).

Ну, и последнее. На мой взгляд, это важно. Надо отказаться от иллюзии, что санкции нас сделают сильнее, что за счёт импортозамещения мы обеспечим рост экономики, что у нас огромный научно-исследовательский задел, что все беды рубля из-за спекулянтов, что наш шанс — глобальный разворот на Восток и т.д. Сейчас явно увеличивается значимость этих факторов. Важно, что в кризис-то мы вошли бы и без санкций, а вот выйти из него с санкциями вряд ли получится.

Я уже сказал, что в своём выступлении не претендую на то, чтобы изложить программу выхода из кризиса. Я бы отметил следующие важные моменты:

- отмена антисанкций (и санкций);
- мораторий на повышение налогов;
- пересмотр бюджетных приоритетов (отказ от безусловной приоритетности расходов на оборону, направление средств по разделу «Национальная экономика» на проекты с максимальным мультипликативным эффектом);
- «размораживание» накопительной компоненты в пенсионном обеспечении граждан;
- пересмотр приоритетов расходования средств из Фонда национального благосостояния в пользу проектов с максимальным мультипликативным эффектом;
- признание нереалистичности и пересмотр основных показателей «майских указов» президента (2012 г.) и др.

Почему «санкции» в скобках — думаю, понятно почему. Могли бы отменить — мы бы отменили. Не от нас всё зависит. Что касается налогов — тоже понятно. Но если мы отказываемся от повышения налогов — это вещи взаимосвязанные, — то бюджетные приоритеты надо пересматривать. Заложили, к примеру, несколько атомных подводных лодок — теперь это, как чёрные дыры, туда будут тянуть бюджетные средства. Но посмотрите же, что с экономикой, какое значение для экономики это имеет!

Что касается накопительной компоненты в пенсионном обеспечении, все эти временные замораживания на 2014 год, на 2015 год, — надо размораживать. Конечно, должны быть другие приоритеты в расходовании средств из Фонда национального благосостояния в пользу проектов с максимальным мультипликативным эффектом. Необходимо признать нереалистичность и пересмотреть основные показатели «майских указов», которые крайне напрягают, вводят в дефицит, прежде всего, региональные бюджеты. И это не тот случай, когда любой ценой надо выполнить указания, не считаясь ни с экономикой, ни с чем. Я бы предложил как минимум начать с данных мер.

А. Н. Привалов

Спасибо большое, Игорь Алексеевич. Валерий Александрович, прошу!

В. А. Фадеев

Спасибо за приглашение. Я не могу изложить цельной картины, лишь результат наблюдений — еженедельных наблюдений за состоянием российского хозяйства.

Я думаю, что главный фактор, действующий сегодня в системе управления российским хозяйством,— это стремление уйти от принятия решений, каких бы то ни было решений.

Александр Николаевич упомянул рейтинг *Doing Business*. Эта работа является частью большой, фундаментальной работы по улучшению среды: мы всё время хотим улучшить среду. Принимаются какие-то формальные постановления. Чем хорош рейтинг *Doing Business*? Его можно измерить. Есть такое понятие KPI². Можно доложить о выполнении KPI и получить премию. Мы очень сильно продвинулись в рейтинге *Doing Business*. Мы были во второй сотне, в прошлом году мы занимали 92-е место. Хочу заметить, что Китай был на 96-м, что не мешает ему уже 30 лет расти огромными темпами. В этом году мы опять продвинулись. Александр Николаевич вспомнил, что Украина тоже сильно продвинулась. Так что с KPI всё в порядке. Только с экономикой (я совершенно согласен с тем, что продемонстрировал Игорь Николаевич) какая-то беда. Коррупция. Говорят, самое страшное, что есть в России,— это коррупция. И надо, конечно, изменить положение дел с коррупцией, меньше воровать, и тогда, наконец, экономика будет расти.

На днях прошло сообщение о том, что был арестован какой-то высокопоставленный китайский чиновник, руководитель госкомпании, у него дома нашли 30 килограммов золота и документы на 68 зданий в его собственности. И это ещё ничего. Потому что в прошлом году был арестован бывший министр внутренних дел, и у него нашли активов на 14 миллиардов долларов. Он украл 14 миллиардов долларов! И он не один такой. Видимо, за 30 лет безумного роста китайской экономики было украдено много триллионов долларов. Я думаю, что мы дети в части коррупции по сравнению с китайцами, которые воруют просто несопоставимо с нами. Хотя мы тоже умеем.

Совершенно ясно, что страны, достигшие высокого уровня развития, демонстрируют относительно низкий уровень коррупции и высокий уровень эффективности работы государственных и социальных институтов. Вот это ясно, если посмотреть на благополучные страны. Но если обратиться к истории этих благополучных стран, то можно увидеть, что в период своего бурного роста они демонстрировали

² Ключевые показатели эффективности (англ. *Key Performance Indicators, KPI*) — показатели деятельности подразделения (предприятия), достижения успеха в определённой деятельности или в достижении определённых целей.

В. А. Фадеев

ужасающую коррупцию и ужасающую неэффективность работы государственных институтов. Виктор Меерович [Полтерович], может быть, меня поправит.

В. М. Полтерович, *президент Новой экономической ассоциации, академик РАН*
Где, например?

В. А. Фадеев

Например, в США в начале XX века банды Нью-Йорка и полиция Нью-Йорка — это был конгломерат. Сотрудники полиции время от времени переходили в банды и потом возвращались в полицию. Борьба с коррупцией в полиции Нью-Йорка шла 80 лет. Сейчас там более или менее нормальная ситуация. Нью-йоркская государственная таможня была самым крупным предприятием в США. Это были деньги, которые вытекали из государственной казны и втекали в карманы частных дельцов. Финансовый рынок в США в XIX веке, бурно развивающийся, был самым нестабильным в мире. Видимо, риски — уровень рисков помечают буквами D, C? Так вот по рейтингу это был C-минус. Тем не менее деньги притекали в огромной степени, потому что в экономике страны был колоссальный бум.

В стремлении уйти от принятия решений к построению какой-то среды, как я сказал, с одной стороны, очевидно, видится нежелание принимать решение. С другой стороны, как мне кажется, здесь какой-то алхимический подход: надо работать со средой, и если организовать правильную среду, тогда что-нибудь родится. Например, если поместить сперматозоид в соответствующую среду, правильно его подогреть, поддерживать правильную температуру, — через некоторое время там вырастет гомункулус.

Эта логика, на самом деле, понятная. И я даже не хочу сказать, что алхимия — это дурное занятие, потому что алхимия дала много пользы — работу с материалами и какие-то химические приборы. Более того, если мы будем улучшать свой рейтинг Doing Business — это тоже полезно, в конце концов, это точно не вредно, точно так же как не вредна была и алхимия. Так часто бывает в науке. Вот, скажем, Ламарк и Дарвин: почему у жирафа длинная шея? Потому что трава высохла, жираф тянул шею к веткам деревьев, и шея рано или поздно вытянулась. Почему она вытянулась, не очень понятно. Ну, вот среда окружающая была такая, что у жирафа вытянулась шея. Здесь же примерно рядом Лысенко — яровизация пшеницы. Все знают эту яровизацию. Причём тут есть логика, и одно время яровизацию пшеницы поддерживал даже Вавилов — тоже казалось, что здесь что-то может произойти.

Мне кажется, что сейчас, когда мы наблюдаем за сферой, которую обсуждаем, — в ней есть очень сильные алхимические элементы, и это надо очень хорошо понимать.

В чём сегодня состоит макроэкономическая политика? Это таргетирование инфляции. Инфляция у нас имеет, безусловно, сакральный смысл. Это такой «символ веры»: мы должны снизить инфляцию до уровня ниже 5%, и тогда гомункулус вырастет. Откуда взялись эти 5% — не известно. Но сакральность этого очевидна.

Я полностью согласен с Игорем Алексеевичем [Николаевым], что инфляция-то будет расти, и в следующем году она составит не 5%, а скорее 12. Мы об этом тоже писали в своём журнале, в «Эксперте». Как достигается уровень, как хотят достичь уровня инфляции в 5%? Сжатием денежной массы и повышением процентных ставок. Чем меньше денег — тем меньше товаров люди могут купить в магазине, тем, по идее, должны быть ниже цены. Чем выше процентные ставки, тем меньше люди или предприниматели могут занять, тем опять меньше они могут купить — значит, цены снизятся. Это простая логика, она понятная, но она почему-то не работает, мы к этому вернёмся.

Ещё один важнейший тезис, связанный с инфляцией, он посложнее и звучит так: процентные ставки должны всегда быть выше уровня инфляции. Уровень инфляции — это, конечно, потребительская инфляция. Хочу вам напомнить, что это вполне определённый набор товаров: капуста, куриные окорочка, не знаю, пальто мужское. И есть секторы разной промышленности, и в некоторых секторах цены падают. Например, довольно долго падали цены на алюминий — наш экспортный товар.

И какое дело нашему товарищу Олегу Дерипаске до того, как изменяются цены куриных окорочков, я не знаю. Цены на его товар точно падают, его рынок находится в ужасном состоянии, ну, сейчас, некоторое время назад они стали расти. Это один аспект.

Второй аспект — а почему, собственно, процентные ставки должны быть выше инфляции? На самом деле процентные ставки надо соотносить не с уровнем инфляции, а со скоростью роста выручки компаний, если мы говорим об экономике. Логика очень простая: даже если высокая инфляция в экономике, но при этом наблюдается рост ВВП или рост этого сектора, или просто рост выручки компании — номинальный рост, подчёркиваю, — и если при этом скорость роста выше процентной ставки, независимо от того, процентная ставка выше инфляции или ниже, то процентная нагрузка, кредитная нагрузка в выручке компании не увеличивается, а уменьшается. Это позволяет компании занимать ещё деньги. Это очень важный аспект. Это, собственно, один из главных аспектов монетарной теории, извините. А если выручка компании растёт медленно или, наоборот, падает, то, конечно, нет никакой возможности увеличивать кредитную нагрузку, брать кредиты и платить проценты.

Отсюда, кстати, огромная опасность дефляции. Почему на Западе боятся дефляции, а не инфляции, боятся падения, а не роста цен, естественно, умеренного роста цен? Потому что если в экономике падают цены, то сокращается номинальная выручка компаний. При этом, какой бы ни была процентная ставка по кредиту, даже если она равна нулю, всё равно процентная нагрузка увеличивается и наблюдается сжатие хозяйства. Так вот — выручка и процентная ставка. Я чуть позже к этому вернусь.

Значит, в чём, как мы считаем, главная проблема сегодня российской экономики. Это дефицит отечественных товаров, дефицит российского производства. Года два назад у нас в журнале была статья, которую даже в Интернете прочитало 600 тысяч человек, — «Мы ничего не производим». Может быть, кто-то из присутствующих её читал. Мы провели очень простую работу — сравнили, сколько товаров на душу населения производит Россия по сравнению с другими странами, взяли маленькие и большие ведущие страны, Финляндию и Южную Корею. Оказалось, что со всеми более или менее развитыми в экономическом отношении странами мы на равных только, кажется, по нефти и алюминию и каким-то ещё металлам.

Есть миф о том, что ведущие страны перешли в постиндустриальную эпоху, и в постиндустриальной эпохе промышленность не нужна, важна сфера услуг, важна финансовая сфера, развлечения, дизайн и т.д. Это ложь. Действительно в этой самой постиндустриальной эпохе доля этих отраслей увеличивается, но при этом все эти страны имеют мощнейшую индустриальную базу. У нас, грубо говоря, я не помню точно цифры, производится промышленной продукции на душу населения тысячи на полторы долларов, из них большая часть — это прокат, алюминиевые чушки, а собственно продукции высокой степени переработки — долларов 500 на душу

населения. Какая-нибудь Швейцария производит тысяч на одиннадцать. Это разрыв в разы и в десятки раз.

Если у вас есть прекрасная индустриальная база, если у вас есть развитая промышленность, диверсифицированная, есть инженерное искусство, наука, которая обслуживает это инженерное искусство и эту отрасль — тогда вы, конечно, можете разглагольствовать о постиндустриальном обществе. Если у вас ничего нет — у вас архаичная экономика, даже не XVIII века. Вы деградируете независимо от того, что если вы посмотрите структуру экономики, формально она якобы у вас постиндустриальная. Повторяю, это ложь.

Технологические цепочки. Мы очень мало производим, и у нас отсутствуют технологические цепочки. Допустим, вы производите консервы. Вот сейчас проблемы с курсом валюты, скакнул курс доллара. Выясняется, что консервы-то вы на своём консервном заводе производите, а жестяные банки вы закупаете за границей — в России нет жестяных банок. Курс скакнул — у вас жестяные банки на 30% или на 50% подорожали. Более того, выясняется, что помидоры у вас турецкие.

Мы ничего не производим — вы закупаете турецкие помидоры, жестяные банки, собираете их на вашем заводе и поставляете консервы в магазин. В результате скачка курса цена подскочила процентов на 30–40. И так везде. Только в том случае, если внутри страны есть длинные технологические цепочки, и все они обслуживаются местной национальной валютой, рублём в данном случае, вы более или менее застрахованы от скачков валюты. Более того, тогда и валюта скакать не будет.

Следующий пункт, к которому я перейду и чем закончу,— это проводимая денежная политика. Я считаю, это центральный момент того, что сегодня происходит в российской экономике, центральный момент.

Проводимая денежная политика абсолютно противоречит целям, которые должны быть поставлены перед хозяйством и перед системой управления, перед государством — вот эти самые высокие процентные ставки, денежное сжатие и борьба во что бы то ни стало за снижение инфляции. Проводимая денежная политика приводит к сокращению производства и — ещё одно микроэкономическое наблюдение — к росту цен. Почему? Если мы переходим к спаду производства, о чём Игорь Николаев убедительно сказал, скорее всего так и произойдёт. В условиях, когда рынок денег очень колючий — денег вам достать негде, процентные ставки высоки, и для того чтобы сохранить хоть как-то на плаву свою компанию и поддержать её ликвидность, вы вынуждены поднимать цены. Это естественное решение — если вы не можете взять деньги внешние, вы должны поднять цену на свою продукцию. Другое дело, будут её покупать или не будут. Не будут — значит, вы обанкротитесь. Будут — значит, вы какое-то время ещё продержитесь на плаву.

Таким образом, и можно это показать даже на формулах, избыточное денежное сжатие приводит не к снижению цен, а к повышению цен. Это мы увидели ещё в 90-х

годах, когда слишком жёсткая денежная политика почему-то не приводила к снижению цен, к снижению инфляции. Ещё в 90-х годах это наблюдалось.

Говорят, что всему мешает социальная политика. В результате проведения вот такой социально-ориентированной политики — я график даже взял из «Эксперта» — с 2000 года доходы выросли примерно в 2,6 раза, а промышленное производство — в 1,6 раза. Говорят, вот социальная политика слишком такая широкая, слишком щедрая, поэтому надо зажать социальную политику, надо поменьше денег платить, надо пенсии не увеличивать, значит, надо зарплату врачам и учителям не платить — и тогда наступит равновесие. Ну, по-моему, на взгляд любого обывателя, надо думать не о том, чтобы доходы снизить, а попытаться поднять промышленное производство — об этом надо рассуждать.

Увеличивающийся разрыв между доходами и производством всё более и более дестабилизирует экономику, и любой внешний или внутренний толчок приведёт к кризису и спаду, о котором сказал Игорь Николаев. Он становится почти неизбежным, этот спад.

Какой можно привести аналог? Есть очень хороший аналог. Есть замечательная книга Милтона Фридмана в соавторстве — «Денежная история США». Есть знаменитая речь Бена Бернанке, прошлого начальника Федеральной резервной системы (ФРС) США на 90-летию Милтона Фридмана в 2002 году. Бернанке произнёс прекрасную речь, в которой сказал: «Спасибо Вам, господин Фридман, что Вы научили нас, как действовать во время кризиса».

Смысл очень простой: Милтон Фридман доказал, что одним из важнейших факторов ввержения экономики США в Великую депрессию была неправильная денежная политика. Там были проблемы: спекуляция (тогда, правда, на фондовом рынке, а не на валютном) и утечка капитала в виде золота. А ФРС не нашла ничего лучше как жёстко зажать денежную массу. Трижды она это делала. И все три раза экономика США однозначно реагировала — падала всё ниже и ниже.

Эта ситуация очень похожа на то, что происходит у нас. Если мы посмотрим, как сейчас зажимается денежная масса, — есть графики, вы можете их увидеть на сайте «Эксперта», — безусловно, зажим денежной массы приводит к торможению производства. Если они будут продолжать политику дальше, то — что показал Игорь Николаев — промышленный спад неизбежен абсолютно. Денежная политика прошлого десятилетия — говорят, вот нам надо обязательно бороться с инфляцией, — денежная политика прошлого десятилетия, когда наблюдался 7%-й экономический рост, вообще не была политикой, так получилось без вмешательства властей. Наблюдался беспрецедентный огромный рост предложения денег. Колоссальный! Мы просто об этом забыли. Я напому, что отношение денежной массы к ВВП на старте этого периода роста составляло примерно 10% (1 к 10). А в 2008 году, когда период роста закончился, примерно 40 или даже 50%.

Гигантский рост — за счёт чего он обеспечивался? За счёт притока валюты. Центральный банк менял валюту на рубли. Откуда-то упавшие с неба зелёные бумаги он менял на настоящие рубли. Где он брал рубли? Он их печатал.

Это чистейшая эмиссия — эмиссия, которая осуществлялась за счёт того, что рос экспорт, и приходилось менять зелёные бумаги, доллары, на российские рубли. Каков был масштаб эмиссии? Экономика росла примерно в реальном измерении на 7% в год, плюс инфляция — процентов 10. Номинальный рост — 17%, а чуть раньше ещё и 20%, инфляция была выше. Так вот денежная масса росла на 15–20 процентных пунктов выше, чем номинальный рост экономики. На 35% в год она росла, денежная масса! Это обеспечивало вливание в экономику гигантского количества денег, и эти деньги абсорбировались экономикой и хозяйствующими субъектами.

Это очень важный вопрос. Если бы у нас не было уже созревшего бизнеса, компаний, которые эти деньги приняли, конечно, инфляция бы росла. Были тысячи компаний, которые приняли деньги. Сначала только в Москве можно было купить пластиковые окна, стеклопакеты, потом в городах-миллионниках, затем это стало распространяться дальше. Теперь эти стеклопакеты можно купить в каждом райцентре. Деньги превратились, ну, в нечто, в какие-то хозяйствующие субъекты, которые что-то делают. Конечно, в основном, в торговые центры. Но тем не менее ситуация в экономике и в стране в целом, в городах, в конце концов, радикально изменилась.

Сейчас роста нет. И если не будет найден способ организации новой волны эмиссии, никакого роста не будет. Без денег не может быть роста экономики. Деньги — это реакция на замысел. Если у предпринимателя есть замысел, то он должен легко найти деньги на реализацию этого замысла. Понимаете, капитал — это ведь не наличные. Капитал — это и есть замысел. В 1999, в 2000 году было много людей, у которых был замысел, вливающиеся в экономику деньги были использованы для какого-то развития.

Какой инструмент эмиссии? Вообще, во всём мире он примерно одинаковый — это облигации, облигационные займы, это бумаги. Если в прошлом десятилетии Центральный Банк менял зелёные бумаги на рубли, то теперь надо выпускать много фиолетовых бумаг, на которых написано «облигации», и также менять их на рубли.

Возьмём ЖКХ. Говорят, как мы модернизируем сферу ЖКХ? Нужны огромные деньги на модернизацию этой сферы, где же мы их возьмём? Мы их нарисуем. Огромная часть сферы ЖКХ столь неэффективна, что если вы модернизируете, например, отопление, меняете трубы, ставите новые какие-то устройства, то вы получаете огромную экономию. Держите при этом одинаковый тариф, а экономия уйдёт в компенсацию инвестиций, в компенсацию затрат на модернизацию. А где взять деньги? Надо нарисовать облигации, муниципальные облигации. Эти облигации должны быть первоклассными, входить в так называемый ломбардный список, и под эти облигации Центральный банк должен напечатать деньги и выдать их тому, кто будет осуществлять эти уже промышленные операции. Так делается везде.

Почему такие огромные долги. Говорят, ах, огромные долги, ах, такая огромная кредитная масса во всех ведущих странах! Да, потому что невозможно осуществить

экономическое развитие не в долг — в этом смысл капитализма. Отношение кредитной массы к ВВП в России, всей кредитной массы, примерно 1 к 1, ну, кредитная масса чуть больше. А в Китае — 2,5 к 1. В других развитых странах — тоже 2,5–3 к 1. Кредитная масса — это те деньги, которые произвели новую добавленную стоимость.

Я думаю, что нам надо сконцентрироваться. И если говорить об экономической политике и выходе из кризиса, я думаю, что было бы правильно в политическом отношении сконцентрироваться на одном пункте: изменить кредитно-финансовую политику, денежную политику. Конечно, не только облигации. Под это придётся подстраивать довольно много институтов и инструментов. Но если в макроэкономическом отношении мы не найдём выхода и не найдём способа организовать эту конструктивную, содержательную, производительную эмиссию, то депрессия будет неизбежна. Спасибо.

А. Н. Привалов

Спасибо, Валерий Александрович. Вопросы, ежели у кого есть, к обоим докладчикам? Прошу, Даниил Борисович.

Д. Б. Дондурей, *главный редактор журнала «Искусство кино»*

Мне показалось, что оба доклада связаны с оценкой того, что все экономические проблемы лежат в рамках экономики, внутри экономики. Игорь Алексеевич говорил про экономические глупости, а Валерий Александрович говорил о том, что нужно нарисовать облигации в долг.

Не кажется ли вам, что существуют какие-то макрофакторы, лежащие вне экономики, в нашей стране? Ну, связанные, например, с такими вещами, как новая идеологическая доктрина, социальная психология общества, различные культурные, я не знаю, матрицы или коды, — целый ряд вещей, которые сегодня сработали и которые лежат за всем тем, о чём вы говорите? Потому что, когда говорится о деньгах, например, и эмиссии и не говорится о безмерном недоверии в стране (77% не доверяют другим людям, 59% — никому, кроме собственной семьи), — это же какие-то факторы, лежащие вне экономики.

Вопрос: почему ни один, ни другой из вас не говорил — ну кроме слова «санкции», которое для всех маленькая проблема, вы сами об этом говорили — о чём-то более существенном, лежащем вне экономики, касающемся всех сфер нашей жизни, касающемся каких-то моделей, которые сегодня мы все видим? Вопрос к обоим.

И. А. Николаев

Совсем частично я всё-таки это затронул. Я, безусловно, разделяю точку зрения, что есть очень важные вещи, которые влияют на экономику очень и очень сильно. Вы упомянули о доверии. Я под впечатлением книги Фрэнсиса Фукуямы «Доверие» — фундаментальный такой труд, который как раз и говорил о том, что уровень

Д. Б. Дондурей

развития экономики и уровень благосостояния общества во многом зависит от того, что происходит с уровнем доверия, то есть я, безусловно, признаю это. Более того, мы ввели, разработали соответствующий индекс, и я даже отправил его Фукуяме, он получил, у нас была переписка. Здесь я двумя руками «за». Но, на мой взгляд, сейчас это фундаментальная проблема, и её фундаментально и надо решать, это займёт длительное время. А вот с учётом динамики того, что сейчас происходит, я просто выделил те вещи, которые надо решать в первоочередном порядке. Только поэтому не было сказано о доверии, признавая, что да, параллельно надо заниматься и этим.

На самом деле, когда говоришь о проблеме неопределённости в экономике, и что действия властей не должны способствовать, повышать уровень неопределённости — в данном случае так решается проблема недоверия между властью и обществом. При разнонаправленных действиях, когда не понятно, чего хотят, что делают, — естественно, уровень недоверия растёт. Это взаимосвязанные вещи, о чём я говорил, но специально не останавливался. И я, безусловно, полностью признаю, что есть очень серьёзные фундаментальные проблемы, без решения которых, в особенности для российской экономики, тоже невозможно двинуться вперёд.

В. А. Фадеев

Я тоже коротко. Я же в начале сказал об этом — про алхимию. Когда целью является производство, а не спекуляции, конечно, это совсем другой строй ума и другой совершенно строй нравственной позиции, что ли. Вы понимаете, это совсем разные вещи. Мы посмеиваемся, не знаю там, над европейцами. Но и упоминаемая Швейцария — великая промышленная держава, Австрия рядом с ней — великая промышленная держава. В Швейцарии лучшие университеты, связанные с инженерным делом. В Швейцарии лучший университет, в котором изучается и преподаётся, развивается альтернативная этому «экономиксу» экономическая наука — альтернативная, связанная с производством. Понимаете, у нас нет ПТУ.

Я как-то был на выставке в Германии, там немецкие юноши ходили с блокнотиками по огромной машиностроительной выставке и все записывали. Ну, они будут работать рабочими на этих первоклассных, выдающихся станках, которые создал немецкий гений. Кто-то станки создаёт, а кто-то работает на этих станках. Это совсем другое устройство общества, понимаете, и, конечно, здесь лежат те основания, о которых Вы говорите.

Что касается того, что выдвигать в качестве главной проблемы. Ну зачем выдумывать лишние сущности! Вы говорите, доверие. А у нас 10 лет назад, 15 лет назад было больше доверия, что ли? У нас экономический рост был 7%. У нас доходы населения выросли в 2,5 раза. У нас было что-то другое? Давайте начнём заниматься доверием, и не будем заниматься абсолютно практическими вещами, связанными с экономической политикой. Вы когда в самолёт садитесь, вы доверяете пилоту или нет? Я — нет, но лететь надо. Спасибо.

А. Н. Привалов

Ещё вопросы, пожалуйста.

К. Д. Лубенченко, доцент МГУ им. М. В. Ломоносова

Валерий Александрович, Вы говорили, что правительство и ЦБ сейчас в своей денежно-кредитной политике должны заняться эмиссией и облигацией. Но вот 1998 год, некоторые участники нашего заседания находились в то время в системе управления денежно-кредитной политикой нашей страны. Краткосрочные облигации — правительство всё время требовало у Центрального банка их покупать. Я помню, как на советы директоров приходил Михаил Михайлович Задорнов [министр финансов России в 1997–1999] и требовал покупать облигации на триллионы рублей. Сопrotивление этому было, председатель Центрального банка говорил нам: « Я не буду выступать, а вы проявите на совете директоров свою прямую негативную позицию по поводу этих требований». В итоге мы покупали эти облигации.

А что значит покупали? Была эмиссия, был включён станок на полную мощь. Теперь, конечно, помня о том, Центральный банк не может опять безоглядно включать этот

К. Д. Лубенченко

инструмент. Есть попытка — с помощью ломбардного кредитования. Проблема заключается в том, что банки или не в состоянии, или не хотели выполнять свои кредитные обязательства перед Центральным банком. Сделки РЕПО объявлены. Тут был такой бросок в сторону, связанный с тем, чтобы включить валютные свопы и тем самым насытить рынок и прекратить спекуляции. Конечно, смешно сейчас говорить о том, что так легко это можно прекратить, и что речь идёт о каких-то там спецспекулянтах, которые на этом наживаются. Конечно, кто-то наживается. Но в принципе, население психологически не доверяет рублю и не доверяет системе управления. Не доверяет.

А. Н. Привалов

Простите, пожалуйста — вопрос?

К. Д. Лубенченко

Вопрос заключается в том, что — я уже его сформулировал в начале — предлагается инструмент: облигации. Мы уже это проходили. Это, во-первых. Во-вторых, попытка выхода из кризисных ситуаций, например, в Греции тоже была связана с этим же самым.

Вопрос: Вы предлагаете инструмент, который себя показал (ну, я не хочу употреблять слово «дискредитировал»), и печатный станок включался.

В. А. Фадеев

Ну, это утверждение. Это не вопрос, это утверждение.

К. Д. Лубенченко

Но кризис был очень тяжёлый.

В. А. Фадеев

Я понял ваше утверждение. Вы сказали «безоглядно». Понимаете, вот когда безоглядно, то, наверное — да. Вы употребляете алкоголь? Вы какой алкоголь любите? Виски. Попробуйте выпить литр. Понимаете? Ну, два. Может быть, вы умеете два? Даже Привалов в лучшие годы не мог выпить два литра.

Вот на облигации, о которых Вы говорите, — ГКО Вы имеете в виду, естественно, — а что было построено на те облигации? Вот на деньги, которые были выручены от тех облигаций, что-нибудь, мост какой-нибудь был построен? Труба где-нибудь была заменена? Что было сделано на те деньги? Это была исключительно финансовая операция, оторванная от реального производства, — вот же в чём проблема.

Я же говорю о другом. Конечно, надо продумывать механизмы. Скажем, облигации, если говорить о сфере ЖКХ, если уж говорить о деталях, — они вообще отдельной строкой идут, эти деньги. И те деньги, которые потом получаются в результате какой-то экономии, они в бюджетах регионов или муниципалитетов отдельно идут — это особые деньги. Идут на погашение этих самых облигаций.

Конечно, надо с умом этим заниматься. Вы знаете размер рынка муниципальных облигаций в США, скажем? Значит, 15–20% от ВВП. Это примерно те самые деньги — дороги, мосты, эти все дела. А у нас — 0,6%. О чём мы говорим? У нас финансовый рынок ещё хуже, чем промышленность. У нас пенсионные фонды стали, было, развивать — закрыли, деньги перечислили. Вот мы находимся на ММВБ. Мы же знаем, что происходит с индексом ММВБ. Вы когда-нибудь смотрели листинг ММВБ? Там компаний десять, что ли, — то, что называют «голубые фишки», реально торгующиеся? А вы смотрели сектор ММВБ инновационных компаний? Их там 35. Штук, не тысяч. Тридцать пять штук всех инновационных компаний на огромную страну! Это даже не рынок, это просто ничто, понимаете. Облигации — где они у нас, где эти облигации? Когда я говорю, что нужна денежная эмиссия, я не говорю, что надо вливать деньги, вот просто выливать их, разбрасывать с вертолёта, нет. Но если не будет денег, не будет роста. Потому что сначала деньги, а потом мосты, заводы и пароходы.

А. Н. Привалов

Виктор Меерович, прошу Вас.

В. М. Полтерович

В. М. Полтерович

Спасибо. У меня вот какой вопрос. Для того чтобы делать какие-то прогнозы, надо, мне кажется, осознать прошлое. Наше ближайшее прошлое — где-то с 2000 года по 2008 год — это период очень быстрого роста, об этом уже упоминалось.

У меня вопрос: как докладчики понимают, почему это происходило? На всякий случай, для того чтобы пояснить мой вопрос, я приведу некоторые данные.

Типичный ответ, что причина состоит в повышении нефтяных цен, вообще говоря, эконометрическими исследованиями не подтверждается. Примерно 50% экономического роста (по крайней мере, 50%, есть оценки выше) объясняется увеличением так называемой общей факторной производительности, то есть повышением производительности труда, улучшением технологий и т.д.

Если говорить об уровне доверия — он рос. Есть данные, которые говорят: не сильно, но, тем не менее, уровень доверия вырос за это время. Значит, мы сейчас в определённом смысле в лучшем положении, чем раньше. Если говорить о вливании денежной массы — тогда действительно быстро росла денежная масса. Но существует общая закономерность: когда резко увеличивается инфляция, цены

возрастают гораздо быстрее, чем денежная масса, в силу инфляционных ожиданий. Когда инфляция заканчивается — соотношение обратное, денежная масса растёт быстрее за счёт замедления скорости обращения денег. Но люди уже не боятся инфляции и, соответственно, ведут себя иначе. Так что и этот аргумент не выглядит, по крайней мере, исчерпывающим.

Кроме того, повысился уровень культуры, число образованных людей, людей с высшим образованием за это время выросло и т.д. (На реплики из зала) Да-да, уровень культуры по разным параметрам вырос. Я готов это обсуждать, но это заняло бы слишком много времени.

Так в чём же дело, почему мы раньше росли, а сейчас остановились, и всё так плохо?

И. А. Николаев

Здесь, может быть, даже можно было ограничиться вопросом: почему, собственно говоря, у нас с 2010 года такие вдруг падающие до нуля темпы роста? Ни санкций, ничего такого, а вот почему так? Остановлюсь на этом: действительно, а почему? Здесь можно говорить и широко, я ограничусь только тем, что считаю на самом деле, возможно, самым важным, и почему сейчас возникли такие проблемы.

Я говорил о налоговой нагрузке. Да, кризис 2007–2008 годов, первая волна мирового финансового кризиса. В России власти взяли на себя такие бюджетные обязательства, что их можно было бы и дальше выполнять, если бы ценовая нефтяная конъюнктура оставалась прежней. То есть это бюджетные обязательства неснижаемого характера — завышенные. Завышенные! Думали, что, в общем, всё страшное позади, и ничего больше происходить не будет. А оказалось, что вы при таких обязательствах получаете ситуацию, мягко говоря, не очень простую. Вы начинаете мудрить с пенсионной реформой, вы замораживаете пенсионные накопления, денег не хватает. Это повышает неопределённость. Что происходит? Вы вынуждены повышать налоговую нагрузку. То есть растёт уровень неопределённости — растёт налоговая нагрузка, она и сейчас-то, я говорил, в своём росте достигает апогея.

Я, по меньшей мере, выделил уже хотя бы эти очень значимые факторы, тормозящие рост. И в результате мы получаем 1,3% темпа роста в прошлом году. Ну, а дальше добавляется другое. Цены на нефть уже чуть раньше стали не под 150, как было, а наметилось снижение. В общем, по-моему, есть серьёзные факторы, объясняющие, почему такое произошло.

В. А. Фадеев

Очень коротко. Виктор Меерович, ну Вы же знаете, что произошло после 1998 года. И когда Вы говорите, что на 50% объясняется изменением состояния самих компаний — им, этим компаниям, требовалось время, чтобы просто появиться. В 1991 году

всё грохнулось, были какие-то жалкие кооператоры и бывшие комсомольцы, которые чего-то такое приватизировали. Это же был хаос, и довольно долго он продолжался. Но параллельно шёл процесс освоения новой реальности — как раз появились эффективные компании, средние в первую очередь.

Наша экспертовская книга «Семь нот менеджмента», самая тиражная деловая книга после 1991 года в несколько сотен тысяч экземпляров — была продана. Это азы менеджмента. Чем эта книга была сильна? Она была актуальна примерами из сегодняшней жизни. Там, кроме азов менеджмента, рассказывалось, как сегодня здесь, в России, поступают люди, конкретные предприниматели. Мы тоже внесли свой вклад — понимаете, люди читали эту книжку, люди осваивали, как, собственно, жить. Когда в 1998 году грохнулся курс рубля и импорт резко упал, оказалось, что рынок открылся, рынок свободен. И тысячи людей, которые уже знали, что делать, начали работать. В некоторых отраслях промышленный рост начался в октябре. В сентябре грохнулся курс, а в октябре уже начался промышленный рост. Ну, для этого надо было грохнуть курс рубля в четыре раза. Сейчас же мы не будем этого делать, тоже безумие, это же очень сильно ударяет по людям, ни в коем случае так делать нельзя.

Так вот, важнейший фактор — должны быть люди, которые в состоянии это сделать. Если бизнес, как в начале 90-х, заточен на приватизацию и воровство — это одна ситуация. Если бизнес заточен на производство — это другая ситуация. (На вопрос из зала) Почему это кончилось в 2008 году? Ну, это тоже уже слишком экономический вопрос — потому что были исполнены хозяйственные планы. Это уже слишком туманно.

А. Н. Привалов

Спасибо. Евгений Янович, прошу!

Е. Я. Сатановский

Ну, давайте я выскажусь от лица идиотов, которые были заточены не на приватизацию и воровство, а на производство, поскольку я 25 лет занимаюсь как раз производством, в своё время отказавшись приватизировать министерство энергетики, а также много чего ещё. Большой дурак был, да, я знаю.

Скажите, пожалуйста, вот у нас в бизнесе полагают, что рыба гниёт с головы. Я имею в виду — совершенно неважно, будет ли премьер-министром Медведев или Кудрин (в отличие от Казахстана, где Карим Кажимканович Масимов уж второй кризис в качестве премьер-министра у Назарбаева курирует правительство; ну, там такой президент, он берет себе таких премьер-министров). Но разница между планами исправления ситуации — это планы, которые предлагаются либо честными ворами, которые просто деньги украдут, и планы эти глупы, поэтому бесхитростны; либо это будут какие-то действительно гениальные идеи, и деньги разворуют под хорошее объяснение, зачем они нужны, например, в гособлигациях.

Е. Я. Сатановский

Ну, напечатаете вы облигации. Вам кто сказал, что это всё пойдёт на дело, откуда вы это взяли? И почему мы должны в это верить? Вот они никогда не шли на дело, ни при Хрущеве они не шли на дело, ни при Ельцине, ни при ком-нибудь ещё, а сейчас они прямо вот пойдут в производство? Вам кто это сказал? Мы же все для чиновника — бараны, для чиновника любого уровня, включая всех наших премьеров и вице-премьеров.

Поэтому вопрос мой не о том, с какой стороны у нас забрать оставшееся, будь то бизнес, который крупный баран — крупный, с точки зрения начальства, каракулевый, — или население, которое баран мелкий, хотя его много. А у меня вопрос по кадровой политике, потому что кадры решают всё. Как говорил Лаврентий Павлович Берия, у каждой ошибки есть имя, отчество и фамилия. У него замечательно получилось атомный проект создать, он был гениальный в этом плане менеджер. Хотя Славский³ был всего-то адъютантом Будённого, даже Высшей школы экономики не кончал, а в кадрах понимал как мало кто и до и после него.

³ Славский Ефим Павлович (1898–1991) — советский государственный деятель, один из основателей и руководителей отечественной атомной промышленности и ядерной индустрии.

Скажите, пожалуйста, есть ли у докладчиков понимание с высоты знания ситуации, что поменяются какие-то кадры, которые не будут рассказывать о том, какой очередной национальный проект спасёт страну, а дело будут делать? Я уж и не помню, сколько у нас было национальных проектов, каждый из которых ничем не закончился. Как бизнес, так и население живут вопреки существованию руководства страны, как политического, так и экономического, и выживают в обход всех тех замечательных проектов, национальных или не национальных, которые придумываются теоретически для того, чтобы страну поднять. Неважно, какими это красивыми словами обрисовывается.

Как вы думаете, может быть, сегодня, когда на самом деле де-факто накрывается отрасль за отраслью, и говорить можно о чём угодно, но «допиливание» остатков советского прошлого продолжается, — существует где-нибудь какой-нибудь тайный кадровый блок, который может быть поставлен на хозяйство? С тем чтобы он кадровый блок занялся делом, а не только набиванием карманов? Потому что мне всё равно, чеченские авизо на повестке дня или приходит новое, исключительно прогрессивное, правительство и параллельно с ним дагестанская мафия, которая занимается тем же самым, а за ней остаётся выжженная поляна. Руководители при этом все безумно прогрессивны и очень грамотны. Так может, там какая-нибудь новая генерация есть?

И. А. Николаев

Выскажу, естественно, своё мнение. Я думаю, рассчитывать на это не стоит. Ведь, собственно говоря, чем последние годы и отличались, — кстати, это, наверное, тоже одна из причин кризисов, — у нас уровень профессионализма, уровень компетенции снижался практически везде. И госуправление не является здесь исключением. Может быть, это наиболее показательная область, сфера, где, мягко говоря, проблемы с профессионализмом нарастают. Поэтому — нет, рассчитывать на что-либо здесь нельзя. Это мои личные впечатления. В 90-х годах я тоже работал на госслужбе и в аппарате правительства, потом общался с представителями этих служб, и могу сравнивать.

Более того, ситуация, на мой взгляд, стала ещё хуже — сужу по независимой аналитике. Вот когда много лет не нужны, не интересны были какие-то неприятные оценки независимых аналитиков, наступает момент, когда тем, кто долго был не востребован, к кому не обращались, становится неинтересно что-то советовать. Это новая ситуация, и она, на самом деле, качественно хуже. Появилась нежелание работать, и это большая проблема.

В. А. Фадеев

Скажу о другом. ВВП России в 1998 году составлял 200 миллиардов долларов, а сейчас, ну, в пике было два с лишним триллиона долларов. Вообще-то, он вырос в десять раз, в долларах, но при этом рубль очень сильно укрепился. Средние доходы

граждан в том же 98-м году составляли, если в долларах, 70 долларов в месяц, а на пике — 700 долларов в месяц. Понимаете, какое дело — за десять лет. Но в начале 90-х годов страна вообще развалилась, потом её разворовали. Потом вдруг 98-й год ударил — только-только стали очухиваться.

Е. Я. Сатановский

Я здесь жил.

В. А. Фадеев

Да, мы все здесь жили, мы это наблюдали. Да, у нас сейчас тяжёлое время, 1998–1999 годы — кризис. Теперь, в общем, я называю это депрессией. Да, это так, ищутся выходы. Ну, вот восклицать: «Ах, какая беда! Ах, снова катастрофа!» — да нет никакой катастрофы. Действительно, те, кто отвечают за экономику, не готовы, и я тоже об этом говорил, не готовы принимать решение, они к этому не привыкли. Они борются с инфляцией, ещё чего-то. Ну, не готовы они. Где возьмутся другие люди, я не знаю. И я вам скажу, что нет, если бы была какая-то идейная платформа — осмысленная, проработанная, продуманная, и там, на этой платформе, стояли бы люди... **(Из зала: «Коммунисты»)** Коммунисты, да, может быть, коммунисты. Я не шучу, да, может быть.

А. Н. Привалов

«Есть такая партия».

В. А. Фадеев

«Есть такая партия». Вот если бы такая партия была, тогда можно было бы принимать кадровые решения. Где она, эта партия? У нас есть альтернативная позиция в экономической сфере? Причём вы поймите, это должна быть позиция жёстко сформулированная. Они говорят: «Мы будем бороться с инфляцией». Коммунисты говорили три ясные вещи: мир — народам, землю — крестьянам, фабрики — рабочим. Это ясно и понятно. Кто-то из нас, и даже из нас, журналистов, может сформулировать такую политическую позицию? Нет. Это что, Путин, что ли, в этом виноват? Формулируйте, формулируйте, я за вами пойду.

А. З. Бондурянский, *проректор Московской государственной консерватории*

У меня возник вот какой вопрос — собственно, он возникает каждый раз, когда мы обсуждаем кризис, его последствия, его начало. Мы, получается, всегда очень любим прогнозировать прошлое, я бы так сказал. Мы начинаем говорить о том, что если бы тогда было сделано то-то, то сегодня явно не случилось бы это. Господин Николаев в мерах по преодолению кризиса указал на реализуемость указов, реальность указов.

Скажите, пожалуйста, но ведь когда эти указы принимались, было уже ясно, что они нереализуемы. Я могу сослаться на замечательную идею президента увеличить

А. З. Бондурянский

зарплату педагогам вузов. Великолепная идея! Там разработаны «дорожные карты», до 120% от средней зарплаты по региону. Довести зарплату научных работников до 200% от средней зарплаты по региону. При этом непонятно, откуда деньги?

Вы знаете, я жил в таком небольшом городе Херсоне на Украине. И у нас напротив нашего двора была сапожная мастерская. И у сапожника-инвалида висело такое картонное объявление: «Пошив обуви из кожи заказчика». Вот это, по-моему, то, что нам предложили в 2012 году, причём под личную ответственность руководителя образовательного учреждения. Вообще, с языком у нас всё ужасно. Если Вы [В.М. Полтеровичу] говорите о том, что у нас выросла культура, то, по-моему, раньше так не говорили: «образовательное учреждение высшего образования». Это считалось как-то неприлично.

А. Н. Привалов

Так вопрос-то?

А. З. Бондурянский

Вопрос: почему мы всегда крепки задним умом? Замечательно, всё, что вы говорите, — это абсолютно правильно. Вы выстраиваете график — с 2010 года идёт

снижение всего, что можно, и рост инфляции. Единственный рост — это рост инфляции. Разве об этом нельзя было говорить в 2011, 2012 году? Почему мы ждём обязательно 100-летия Первой мировой войны?

В. А. Фадеев

Я совсем коротко. Вот я привёл в пример знаменитую речь Бена Бернанке, которую он произнёс в 1992 году. А Милтон Фридман написал и опубликовал свою знаменитую историю денег в США в 1960 году, спустя тридцать лет после начала Великой депрессии. А Бернанке это осознал спустя ещё тридцать два года после начала Великой депрессии. Всё так, все крепки задним умом. Если вы посмотрите большие страны, те же США, вы увидите, что у них года нет без кризиса, войны бесконечные — то вьетнамская, то корейская, то президента убили, то Мартина Лютера Кинга убили, то Карибский кризис, то опять депрессия 70-х годов. Понимаете, это у всех так. Это нормальное состояние большой страны, большой нации. Мы не можем спрятаться. Наоборот, если у нас есть проблемы, значит, мы ещё живы, это наш пульс. **(Оживление, смех в зале)**

И. А. Николаев

Я не знаю, отвечая на этот вопрос... (смеётся)... что если проблемы — значит, живы. С этим мне, конечно, трудно согласиться. Знаете, мы сейчас постоянно это слышим: вот обвалился рубль — круто! импортозамещение, антисанкции — ну уж теперь-то мы, конечно, им покажем! Слушайте, если вам для развития постоянно нужен шок, стрессы, какие-то пинки — надо задуматься: значит, что-то неладно. И когда только в таких условиях — это ненормальное развитие, что, к сожалению, мы пока не понимаем. Что касается конкретного примера — да, недаром и поговорка такая есть: задним умом сильны.

Но я за свои оценки отвечаю. И в мае 2012 года, буквально через несколько дней после указов, писал (всё можно найти в Интернете, это показано на цифрах), что это нереально. Смотрите, там говорится о росте производительности труда в 1,5 раза. Да посмотрите, какие у вас должны быть ежегодные темпы роста и соотнесите с тем, что сейчас!

А 25 миллионов высокопроизводительных рабочих мест, когда выяснилось, что у нас даже понятия нет, что это такое? И после того как это оказалось в Указе — представьте ситуацию! — перед Росстатом была поставлена задача сформулировать, что считать высокопроизводительным рабочим местом. Как вы можете ставить задачу создать 25 миллионов высокопроизводительных рабочих мест, если вы не знаете, сколько у вас их сейчас, и сколько их создавалось ежегодно, и вы только хотите понять, а что же это такое?! А потом стали придумывать, что считать, чтобы подогнать под цифру. Ну очень надо было вот так продемонстрировать, как мы будем двигаться вперёд.

У нас хотелки, к сожалению, опережают реальность, и это во многом предопределяет то, что называется «сильны задним умом».

А. Н. Привалов

Ещё два вопроса, господа, и переходим к обсуждению, я так понимаю.
Прошу, Александр Владимирович!

А. В. Захаров, вице-президент ИК «Еврофинанс»

У меня вопрос к Валерию Александровичу. Всё-таки хотелось бы заразиться оптимизмом по поводу восприимчивости нашей экономики к деньгам, потому что сейчас только ленивый не говорит, что нашей экономике не хватает денег. Всем понятно, что экономика недомонетизирована. Один только Центральный банк почему-то таргетирует инфляцию с упорством шахтёра в завалах.

Знаете, вот вы находитесь в организации⁴, где в начале 90-х был интересный опыт выпуска как раз инфраструктурных облигаций. Мы выпустили эти облигации, вот этими руками практически это делалось. Чем закончилось, многие знают. Вырыли большой котлован в Санкт-Петербурге.

Но это не отрицает, как говорится, самой светлой идеи — облигации. Более того, потом был следующий период: ММВБ подняла волну корпоративных облигаций. Понимаете, мы начали с ЛУКОЙЛа и Газпрома, дальше уже началось триумфальное шествие, и уже фабрика «Красный Октябрь» стала выпускать корпоративные облигации. Потом дело пошло на дефолты, и это движение немножко спало.

Мудрый Кудрин, признанный как-то одним из лучших министров финансов, всегда говорил, не спешите давать много денег экономике, по понятной причине: деньги пойдут не на дело, а окажутся, в том числе, на валютном рынке. Есть ли сейчас представление, что может быть иначе? Скажем, представим себе идеальную фигуру бизнесмена, которому говорят, а хочешь, мы тебе дадим денег по ставке ФРС, но только на производство? И чтобы по-честному, только на производственный проект! Я не уверен, что мы увидим лес рук бизнесменов, готовых пойти на это.

Е. Я. Сатановский

С каким откатом?

А. В. Захаров

Нет, по-честному, я же сказал.

Е. Я. Сатановский

Ну, вот по-честному — это с каким откатом, 30%, 20%? **(Смех в зале.)**

⁴ Заседание проходит в здании Московской Биржи, ранее ММВБ; А. В. Захаров — генеральный директор ММВБ в 1992–2003 гг.

А. В. Захаров

Да, понял. И ещё реплика по поводу кадров. Я считаю, кстати, что вопрос о кадрах сейчас значения, на мой взгляд, не имеет. Потому что чиновники на всех уровнях исполнительной и законодательной власти — муниципальные, региональные и федеральные — практически за экономическую политику перед обществом не отвечают. Они отвечают перед одним человеком, гарантом Конституции. В этой парадоксальной ситуации вы можете менять людей сколько угодно. И, кстати, у нас очень профессиональное правительство, посмотрите, там и компетенции, и средний возраст очень хорошие.

А. Н. Привалов

Ваш вопрос?

А. В. Захаров

Вопрос я уже задал. Я просто высказываю мнение по поводу того, что если на всех уровнях исполнительной власти не отвечают за экономическую политику, то кадровые изменения никакого значения иметь не будут.

И повторю свой вопрос: насколько восприимчива экономика к деньгам, если даже её сейчас завалить рублём?

В. А. Фадеев

Ну, я человек простой. Если экономика в прошлом цикле подъёма была чрезвычайно восприимчива, и наблюдалась гигантская, я повторяю, эмиссия, и мы подняли доходы в долларах с 70 до 700 — это факт, с этим бессмысленно спорить. И вот сейчас можно у Игоря Николаева спросить, он вам все данные здесь покажет.

И. А. Николаев

Но я бы и поспорил.

В. А. Фадеев

Это факт. Теперь, когда мы наблюдаем противоположную картину, очень жёсткое денежное сжатие, и экономика вгоняется в кризис, — почему я должен о чём-то фантазировать? Я физик по образованию. Я наблюдал один феномен. Я наблюдаю другой феномен. Понимаете, у меня есть два явления. Я могу почитать книжку и рассказать про Великую депрессию в США. Я могу полистать Милтона Фридмана и увидеть, что он подтверждает мои соображения. Зачем я должен что-то ещё придумывать? В конце концов, даже те облигации, которые были выпущены для строительства дороги, привели к выкапыванию огромной ямы.

А. В. Захаров

Ну, люди работают.

А. В. Захаров

В. А. Фадеев

Результат был: яма. Это в Петербурге была выкопана яма?

А. В. Захаров

Да, да.

И. Н. Слюсарева (журнал «Вестник НАУФОР»)

Можно мне задать вопрос? Александр Николаевич, а можно я немного нарушу регламент и задам вопрос не докладчикам, а Олегу Вячеславовичу [Вьюгину]?

Меня зовут Ирина Слюсарева, я представляю журнал «Вестник НАУФОР». НАУФОР — Национальная ассоциация участников фондового рынка, то есть брокеров.

Журнал «Эксперт» постоянно говорит о том, что денежно-кредитная политика, проводимая Центральным банком, должна быть скорректирована. Вот и сегодня этот тезис прозвучал. А с другой стороны, сейчас Центральный банк заявил, что он переходит к таргетированию инфляции, и его цель № 1 — загнать инфляцию в определённые рамки. Всё остальное — хоть трава не расти.

Я хотела бы услышать Ваше мнение, Олег Вячеславович, по поводу таргетирования инфляции, и как это соотносится с денежной массой.

А. Н. Привалов

Я думаю, что Олег Вячеславович сможет ответить на Ваш вопрос во время выступления

О. В. Вьюгин

Да, я думаю, так будет лучше.

А. Н. Привалов

Мы достаточно много времени уделили вопросам. Давайте переходить к высказываниям. После того как все выскажутся, я, естественно, предоставлю возможность господам докладчикам сказать свои последние слова. Единственно только, может быть, мне придётся Валерия Александровича пропустить вперёд, поскольку он летит в какой-то город нашего бескрайнего Отечества и должен успеть на самолёт.

В. А. Фадеев

Да, в Ханты-Мансийск.

А. Н. Привалов

Итак, кто хотел бы высказаться? Владимир Владимирович, прошу.

В. В. Бортко, депутат, заместитель председателя Комитета по культуре Госдумы РФ; режиссёр, народный артист России

Я хотел бы высказаться. Бортко Владимир Владимирович, Государственная Дума, Комитет по культуре, кстати. Я хотел бы высказаться именно поэтому — потому что я не имею никакого отношения к экономике, то есть только опосредованное, как все мы, но не более того. Но я имею отношение ещё к Коммунистической партии Российской Федерации, в рядах которой имею честь быть.

Я хочу возвратиться к презентации Игоря Алексеевича [Николаева]: в рекомендациях, что нужно делать, чтобы выйти из кризисной ситуации, первым пунктом стоит отмена санкций. Но для отмены санкций нужно что-то сделать.

И прежде всего, вернуть Крым. Всего-навсего! Так — делаем? Что будет после этого со страной вообще? Отвечаю: её просто не будет.

Дальше понятно: «почему не стреляла артиллерия — потому что не было снарядов», ещё тысяча причин, но первая — «не было снарядов». Более того, каждый из Ваших пунктов является чуть ли не торпедированием существующей Российской Федерации — посмотрите сами, например, пункт о субсидировании обороны страны — так это выглядит с политической точки зрения.

В. В. Бортко

Мне кажется важным заявить, что есть приоритеты в политике и экономике. Что есть приоритет? Достижение наиболее оптимальных экономических результатов? Но тогда наша страна не имеет смысла вообще, ибо она, учитывая её размеры и климат, ничего не может произвести дешевле, чем, например, Франция, я уже не говорю про Китай и Юго-Восточную Азию. Значит, что-то другое должно лежать в основе этих приоритетов. Что же?

Как ни странно, сохранение страны в том виде, в котором она существует, и сохранение, и умножение народа, который в ней существует,— вот это и есть приоритет и основа. Что, кстати сказать, и делала советская власть. И, насколько я помню, может быть, ошибаюсь: 30-е годы, ВВП — 27–30%. Откуда? (**В. Фадеев:** «Интересно»). А сейчас разве можно сравнить? Нет. Но страна была закрыта абсолютно. И, кстати, закрыта не потому, что боялись, так сказать, что все разбегутся или прибегут сюда, нет, не поэтому. Потому что Иосиф Виссарионович сказал своей дочери, которая носила платье другой страны и спросила, почему у нас такие не носят: «Когда мы научимся делать лучше, тогда и будем носить. А сейчас мне важно другое, важно, чтобы в Иваново тамошняя швея работала, получала бы деньги и рожала детей». Всё!

Так вот вся наша экономика должна быть ориентирована только на это. Но что происходит сейчас, на мой, неэкономический, взгляд? Логичный конец демократической истории, начавшейся в 90-х годах. Ибо наша с вами многострадальная Родина устроена так, что демократии здесь нет, не было и быть не может по сути своей, по организации всего пространства! Ибо в неё входят НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ других народов. И любой демагог воспользуется на демократических выборах самым действенным аргументом — национальным. И страна распадётся по национальному признаку. Татары выберут своего, башкиры — своего, другие — так же. Это будет полная демократия, но страна развалится сразу. Что в этом случае должно делать центральное правительство? Посылать ОМОН, что оно и делает. Всё, конец демократии. Или появляется демократия — как она называется? — суверенная демократия, то есть к настоящей демократии отношения не имеющая.

Значит, что-то другое должно существовать на территории этой страны, скрепляющее её, для того чтобы она существовала. То есть ИДЕЯ. «Единая и не делимая», как до 1917-го года, или, что значительно сильнее и лучше — общая для всех народов идея построения «справедливого общества». И эта идея выдержала мощнейший удар практически всей Европы во время Отечественной войны. В другом случае она распадётся при системе, которая продолжается сейчас, когда её практически ничего не скрепляет. Вливать в экономику деньги, не вливать — но без скрепляющей идеи распад неизбежен. Ну, казалось бы, и чёрт с ней, в маленьких государствах народ будет жить лучше. Это правда. Только русский язык исчезнет, его не будет, будет английский. Меня это категорически не устраивает! Поэтому я думаю, что сейчас у нас перед вами простой и элементарный выход. Возврат к обновлённой социалистической идее и обновлённой социалистической экономике.

Что касается введения полного социализма, то есть коммунизма, то это, так сказать, вряд ли. Поскольку мы поняли на протяжении советского периода, что нужно делать, а чего делать не нужно. Например, приватизировать парикмахерскую можно. Но то, что нефть, газ, лес, вообще природные ресурсы должны принадлежать всем (посчитано, это даёт сейчас 400 миллиардов долларов чистой прибыли) — это факт. Более того, посмотрите, пожалуйста, на Норвегию, в которой нефтяная отрасль — государственная, а это королевство, это не мы.

Кто знает, сколько процентов мы получаем от нефти и сколько идёт в частные руки? Ребята, мы живём на 7%, вы это знаете? **(Реплика: «Знаем».)** Посмотрите, посчитайте. Семь процентов идёт в бюджет, всё остальное — неизвестно куда. Или, точнее, известно куда. Вот такая очень простая история.

Значит, что же делать, чтобы выйти из кризиса, на мой взгляд? Простая, элементарная вещь: речь лидера о том, что мы должны вводить какую-то другую экономику, и полная смена кабинета правительства, полная, от начала до конца. Есть ли люди? Наверняка есть. Я слушаю сейчас здесь умных людей. Более того, я прихожу сюда прямо как дышать воздухом — здесь умнейшие люди чуть ли ни всей

страны. Значит, есть люди, которые могут управлять, они знают, что делать со страной.

Найти людей можно, да, только при желании. И при желании и понимании одного: страна должна существовать, как ни странно, сама для себя. Выход из кризиса наступит неизбежно. Всё, я кончил. Спасибо.

А. Н. Привалов

Спасибо, Владимир Владимирович. Кто ещё хотел бы выступить? Прошу Вас, Виктор Меерович.

В. М. Полтерович

Мы заняты исключительно трудным делом, хотя в этом трудном деле есть лёгкая возможность — ругать власть. Для того чтобы не соблазняться столь простой возможностью, когда речь идёт об анализе текущей ситуации, мне кажется, нужно помнить о двух вещах,

Во-первых, мы не сможем понять нынешнего, не осознав прошлого, особенно ближайшего прошлого. И, во-вторых, мы не сможем понять, что представляет собой Россия, если не поставим её в ряд аналогичных стран. А эти аналоги — вовсе не современные Соединённые Штаты и не Германия, это развивающиеся страны. Это Латинская Америка, это отчасти, может быть, Китай, это Болгария, Румыния, Польша и Чехия. И это также развитые страны, но порядка 50–100 лет назад. Валерий Александрович [Фадеев] очень к месту рассказывал о коррупционной ловушке в Америке в XIX веке. Я тоже об этом писал, эта аналогия мне кажется очень точной.

Если посмотреть на нас в ряду других стран — где мы находимся? В 2012 году, в соответствии с последним раундом международных сопоставлений, душевой ВВП России составлял 46% от американского уровня по паритету покупательной способности в текущих долларах; 46 — это абсолютный рекорд. Никогда прежде Россия — никогда! — не достигала такого уровня. По потреблению более скромные оценки, потому что душевой ВВП и потребление — разные вещи, потребление у нас составляет примерно треть американского. Это тоже вовсе не так плохо. Впервые по классификации Всемирного банка нас поместили в страны с высокими доходами. Это что-то значит. Это значит, что при анализе кроме чёрной у нас должны быть и другие краски.

Важно понять, почему мы развивались так быстро в течение почти десяти лет, с 2000 года по 2008 год, и вдруг это развитие прекратилось. Здесь два аспекта. Один аспект, связанный с международной обстановкой и санкциями, которые наступили несколько позже. Этого я касаться не буду, это очень, на мой взгляд, сложная вещь, и анализ занял бы слишком много времени. А есть чисто экономические соображения. Есть основания думать, что мы попали в так называемую «ловушку среднего дохода». Эта ситуация, характерная для многих стран примерно того же уровня развития. В чём здесь дело, что произошло?

Во-первых, относительно увеличилась заработная плата, это лишило нас важного сравнительного преимущества. Во-вторых, и это не менее важно, исчерпались простые возможности совершенствования технологий и освоения новых рынков. Что я имею в виду под словом «простые»? Здесь есть две возможности. Можно встроиться в уже существующую технологическую систему с чуть-чуть более продвинутой технологией. Или освоить новый потребительский рынок, опираясь на импортную технику. Наши «газели», которые с таким блеском изучает «Эксперт», действовали таким образом и двигали, действительно двигали экономику.

Начиная с какого-то момента, эти простые способы исчерпываются. И тогда возникает проблема следующего рода: для того чтобы улучшить технологию в одном месте, мы должны улучшить технологию во многих других местах, у смежников. Такие задачи рынок не решает, или решает страшно медленно. Я не могу рассчитывать на эффективность инвестиционного проекта, если я не уверен в том, что моя новая продукция будет востребована моими потребителями и что ресурсы, которые мне будут необходимы, мне поставят мои поставщики. Я должен думать одновременно о нескольких отраслях.

Здесь опять-таки история показывает, каким образом выходили из положения страны, которым удавалось из развивающихся — а мы развивающаяся страна — стать развитыми. Их совсем немного. Можно по-разному считать, после войны это около десятка стран. Экономическая политика во всех этих странах включала определённые элементы, которые, на мой взгляд, и являлись предпосылками быстрого роста.

Замечу, что быстро расти надо не 10 лет, как мы росли (периоды быстрого роста в течение 10 лет нередко встречаются в разных странах), а по крайней мере в течение 20–25 лет. Если мы добиваемся успеха и выходим на уровень развитых стран, то возврат маловероятен. Во всяком случае, за последние 60 лет такого не наблюдалось (исключение — Венесуэла).

Важнейшая предпосылка успеха — союз государства с бизнесом и обществом, обстановка сотрудничества. Можно сказать, что должна быть обстановка доверия, да, но оно завоёвывается в процессе взаимодействия. Одним из таких механизмов взаимодействия является индикативное планирование. Практически все страны, добившиеся успеха, использовали в той или иной форме индикативное планирование. Это и послевоенная Франция, и Япония, и Южная Корея, и Тайвань. Элементы индикативного планирования присутствовали в Португалии и в Испании, которые после войны были в числе отсталых стран Западной Европы.

Далее. Достаточный уровень децентрализации экономических решений. Здесь уже упоминалось, что у нас все решения принимаются на самом верхнем уровне. Это, на мой взгляд, очень сильно подрывает возможности развития. Это препятствие для любого творческого процесса.

Ещё одна предпосылка — отделение политики от экономики. Я сейчас, в общем, говорю о тезисах, которые являются фундаментальными в теории Чалмерса

Джонсона — Developmental State⁵. Он утверждает, что сменяемость власти не обязательна для быстрого развития и, может быть, даже противопоказана на определённых этапах. Но если мы имеем дело с несменяемой властью, то она должна удовлетворять определённым принципам, среди которых, в частности, отделение экономики от политики.

Есть ещё целый ряд предпосылок, обсуждение которых заняло бы слишком много времени, я их опущу.

Важный вопрос в том, на каком этапе мы сейчас находимся, каковы наши шансы на быстрое развитие? В течение всего последнего времени у нас создавались элементы национальной инновационной системы (я о ней ещё не упоминал) и индикативного планирования. Можно проследить целый ряд изменений, которые, если на них смотреть отдельно, неудачны; сами по себе они мало что дали. Многочисленные постановления о стратегическом планировании, масса всевозможных институтов развития, технопарков, особых экономических зон и т.д. до сих пор не дали значительного эффекта, но, тем не менее, создали предпосылки для того, чтобы получить его, завершив процесс формирования НИЦ и системы планирования. То есть, имеются шансы на то, что национальная инновационная система и индикативное планирование, наконец, заработают.

Кстати, даже в самих постановлениях можно проследить прогресс. Если раньше говорили о создании планов на 15–20–25 лет и на этом останавливались, теперь уже одно из последних постановлений нацелено, по существу, на создание системы скользящего планирования, предусматривает шестилетние планы, на которые должны опираться стратегические разработки. Это существенный прогресс в понимании.

В какой мере можно рассчитывать на то, что просто путём денежных вливаний мы сдвинем эту гору с места, решим задачу инициации роста? Из того, что я сказал, на мой взгляд, следует, что корень дела не в отсутствии или наличии денег, хотя это важно, а в отсутствии достаточно масштабных эффективных проектов. Именно для этого, для их создания и нужно взаимодействие государства и бизнеса и общества, нужны индикативное планирование и национальная инновационная система. До тех пор, пока такие проекты не появятся, финансировать будет более или менее нечего. Конечно, можно сказать, что два фактора связаны друг с другом, и здесь я соглашусь. Но недостаточно просто взять и влить денежную массу в систему, рассчитывая на то, что начнётся экономический рост.

В самом деле, что сейчас будут делать банки с денежной массой? По-моему, совершенно очевидно: покупать доллары. **(Из зала: «Бегом!»)** Да, бегом, совершенно очевидно, поэтому вливание само по себе эффекта не даст. Нужна тонкая система, где государство не просто ждёт, когда ему принесут масштабный проект, а пытается его

⁵ Chalmers A. Johnson (1999). The Developmental State: Odyssey of a Concept // The Developmental State. Woo-Cumings M. (ed.). Ithaca, N.Y.: Cornell University Press. P. 32–60.

инициировать. И делает это не отдельно от всех остальных, а опирается непосредственно на бизнес. И финансирует отобранные, как следует отлаженные и обсчитанные проекты. Именно так, или почти так (конечно, то, что я описываю — идеализированная картина), происходило во всех странах, которые добивались успеха.

А. Н. Привалов

Спасибо, Виктор Меерович. Олег Вячеславович Вьюгин, прошу Вас.

О. В. Вьюгин, *председатель Совета директоров ОАО «МДМ-Банк», вице-президент Никитского клуба*

Спасибо. Я попросил слово именно сейчас, потому что моя точка зрения близка тому, что сказал Виктор Меерович. Нулевые годы — да, действительно, здесь было отмечено, экономика России развивалась достаточно динамично. Естественно, все задают вопрос: что было источником, почему так получилось? Это первый вопрос. И второй вопрос: почему она перестала развиваться? Виктор Меерович этот вопрос сегодня задавал докладчикам. Скажу своё мнение.

Во-первых, плохой или хороший, но существовал пакт между властью и бизнесом, он был сформулирован во многом так называемой программой Грефа, но элементы были очень чётко поддержаны. Я помню, что действующий ныне президент, а тогда, по-моему, премьер-министр, всё чётко сказал. Он сказал, первое: опора на предпринимательство, то есть государство отделяет политику от экономики. Это выразилось в том, что будет установлена дистанция между властью и так называемыми олигархами (ну, просто этот термин использовался). Это было сформулировано чётко. То есть мы занимаемся политикой — вы занимаетесь экономикой.

Далее, была введена налоговая система, и было сказано, что эта налоговая система будет действовать очень долго, она будет устойчивая. Эта было стимулирующим фактором для того, чтобы показывать доходы, и для инвестирования.

Было сказано, что государство не будет активно участвовать в коммерческом бизнесе, то есть там, где есть конкуренция, где есть рыночные силы, и поэтому — приватизация. Было сказано о верховенстве права — то есть всё по закону, а не по понятиям. А Россия в 90-е годы жила во многом по понятиям. И ещё макроэкономическая стабильность, безусловно, как нормальная среда для принятия более или менее долгосрочных экономических решений.

Этот пакт имел очень большое значение. Я хорошо помню, как в инвестиционную компанию, в которой я работал, приходили совершенно неизвестные люди с совершенно неизвестными фамилиями и говорили, что у нас есть деньги, у нас есть проекты, помогите нам всё это организовать (инвестбанкиры, как известно, помогают организовать инвестиции). То есть этот процесс пошёл, и многие коллеги об этом говорили.

Второе — конечно, были ресурсы. То есть что было? Были свободные мощности, были вполне приличные трудовые ресурсы в России и финансовые ресурсы. Откуда

О. В. Вьюгин

они взялись? Была, в общем-то, сделана ставка на открытую экономику. Что значит, открытую экономику? Значит, были приняты решения о либерализации валютного законодательства или движении капитала.

Открытая экономика — это значит, что, конечно, торговые тарифы существовали, но тем не менее они не были такими серьёзными для того, чтобы внешняя торговля развивалась очень высокими темпами. И естественно, что принятые решения способствовали притоку капитала. Это была во многом репатриация российского капитала, скомпрометировавшего себя (или скомпрометированного) в 90-е годы. Эти капиталы стали возвращаться. Это были иностранные инвестиции, чисто иностранные инвестиции, прямые и портфельные, и финансовые. Цена на нефть, я совершенно согласен, действительно играла роль, но, вообще говоря, процентов на 50. В сочетании все эти факторы дали устойчивый рост.

Потом мы шаг за шагом стали от этого пакта отходить. Там ещё кризис возник, который «помог» окончательно отойти от этой модели. Всё это сказалось в 2012 и сейчас, в 2014 году. Сейчас, честно говоря, мы не очень понимаем, в какой экономической парадигме мы живём. Что у нас является движущей силой экономики — мелкий

бизнес, средний бизнес или это крупные государственные предприятия? Кто будет вытягивать экономику из ситуации? Кто будет ответственен за новую модель роста? Она, на самом деле, не новая, она известная. То есть речь идёт о том, что к 2010-м годам — первая десятилетка прошла — российская экономика попала в ситуацию, когда экспансия уже невозможна. Нужно действительно резко повышать производительность труда, нужно заниматься эффективностью. И бизнес это осознал.

Собственно говоря, этот новый период уже начинался. По идее, через какое-то время в России должен был возникнуть инвестиционный бум, связанный именно с тем, что просто наши капитаны бизнеса переориентировались. Они начали делать инвестиции не в расширение — не ещё больше металла, а специального металла, который востребован и который умеют делать одна-две компании в мире. Этот процесс должен был начаться, но, к сожалению, не начался. Мы попали в период турбулентности, и сейчас всё просто не движется.

Сейчас, мне кажется, стала играть большую роль поведенческая, мотивационная компонента. Сейчас действительно очень важно чётко сформулировать парадигму экономического развития наперёд. И это не только индикативное планирование. Да, конечно, имеет большое значение, когда власть говорит, куда, скажем, она будет направлять ресурсы, — это большой сигнал для бизнеса, куда можно пойти. Конечно, если это не идиотское решение. Но всё-таки большое значение имеет, мне кажется, единение вокруг чёткой экономической идеи. Она сейчас отсутствует. Парадигма идеи отсутствует, поэтому все стоят и чего-то ждут, смотрят, как же всё-таки правильно поступить, и на всякий случай покупают валюту. Это я в качестве шутки сказал. Тем не менее покупают.

Кстати, о деньгах. Здесь я опять с Виктором Мееровичем согласен — экономика бывает восприимчива к деньгам, а бывает — нет. Бывает так, что когда есть сильная мотивация к росту, тогда центральные банки печатают деньги, эмитируют, и это идёт во благо. А бывает так, что экономика невосприимчива к деньгам, и всякая попытка эмиссии не приводит ни к каким позитивным результатам в экономическом развитии, а только стимулирует инфляцию.

Ну, и относительно вопроса, который был мне задан. Я могу ответить вопросом на вопрос. А вы любите инфляцию, вам нравится, что цены растут? Нет? Ну, так вот Центральный банк и говорит, что он знает, что это никому не нравится. Население жалуется, когда растут цены. Поэтому, собственно говоря, Центральный банк и говорит, что давайте всё-таки установим некие правила, когда инфляция находится в определённых рамках. Будет спрос на деньги — Центральный банк будет этот спрос удовлетворять, безусловно. И он просто вынужден будет это делать, потому что в экономике возникнет ситуация с неадекватными ставками и т.д. Мы это всё можем увидеть, и тогда Центральный банк этот спрос просто удовлетворит. Это не проблема.

Мне кажется, что основной вызов сейчас, прежде всего, и для президента, и для правительства, — это всё-таки, наконец, определиться, что мы делаем, какая у нас

парадигма, на что делается ставка в развитии, и, соответственно, повернуть регулирование в эту сторону. Во время президентства Медведева была хотя бы достаточно мощная риторика, что мы боремся с коррупцией, что мы хотим построить инновационную экономику, мы инвестируем в инновации. Мы всё-таки считаем, что основной движущей силой экономики должны быть частные предприятия — это бизнес серьёзный, поэтому мы пытаемся там ограничить административные барьеры. Всё это было сказано. Потом как-то об этом забыли. Собственно говоря, и вектор-то шёл в другую сторону.

В заключение скажу следующее. Давайте представим, смог бы в России, скажем, Илон Маск — предприниматель, который практически всю Америку поставил на электромобили (то есть уже станции стоят, видимо, это будет развиваться) и сейчас запускает космические аппараты на абсолютно частные инвестиции, — смог бы он сделать нечто подобное в России в сегодняшних условиях? Или Ричард Брэнсон, собственными руками создавший компанию Virgin Atlantic и который тоже, кстати, запускает что-то в космос (это промышленность, это не финансовая деятельность)? Или Сергей Брин и Марк Цукерберг, которые создали два крупнейших информационных ресурса? Попробуем поместить их российскую реальность — как, сработает? Что-нибудь получится?

Е. Я. Сатановский

На 44-м президенте — запросто.

А. Н. Привалов

Спасибо, Олег Вячеславович. Теперь, простите, я предупреждал, мы немножко поломаем регламент и вне очереди дадим Валерию Александровичу ответное слово докладчика, чтобы он успел на самолёт до Ханты-Мансийска.

В. А. Фадеев

Спасибо. Олег Вячеславович сказал по поводу вопроса на деньги: если будет спрос — мы его удовлетворим. Это в точности цитата тех людей, которые, по мнению Милтона Фридмана, вогнали американскую экономику в депрессию. Это просто цитата! Это для дискуссии.

Я никогда не говорил, что надо бесконтрольно вливать в экономику деньги, Виктор Меерович. Никогда этого не говорил. Я говорил, что у нас абсолютная нехватка институтов, главными из которых я считаю облигационные институты, через которые надо вливать деньги в экономику. Конечно, это не выбрасывание денег. Ведь обратите внимание, что говорят некоторые наши коллеги. Они говорят, что, если найти механизмы вливания денег в производство, деньги разворуют, поэтому давайте деньги раздавать на потребительский рынок, там, по крайней мере, пенсии не разворовывают. Ну, не знаю, видимо, разворовывают существенно меньше. Это

альтернативная точка зрения. Я хочу быть правильно понятым: ни в коем случае нельзя налаживать бесконтрольные эмиссии!

Вы говорите, нужна тонкая система. Для политического решения — это моя точка зрения — нужна *толстая* система, *толстое* решение. Простое, тупое толстое решение, которое будет понято массами! Землю — крестьянам, понимаете, а заводы — рабочим. Я образно говорю, в данном случае нужно другое, но тоже толстое решение.

То, что говорю я, — это толстое решение: давайте радикально изменим денежную политику. Мы тонко обсуждаем, почему не едет автомобиль: может быть, там что-то с двигателем, может быть, свечи поменять? А может быть, просто попробовать залить бензин для начала? Просто залить бензин. Денег надо дать хозяйству, а там будем тонко настраивать.

Понимаете, слишком много вопросов. Вот опять Олег Вячеславович говорит: какие ориентиры? кто будет двигать экономику — малый бизнес, средний бизнес, крупный бизнес? инновационная экономика, не такая экономика? Давайте мы тогда выстроим плановую экономику. Ещё раз возвращаюсь к теме: давайте, прежде чем отвечать на сложные тонкие вопросы, решим для начала один простой вопрос.

Дальше. Я-то, собственно, упрощал и концентрировался на денежной политике. А дальше вопрос, который не имеет ответа: а как добиться принятия решений — этого решения, если я сторонник изменения кредитно-денежной политики, или других решений? Это очень мутная вещь. И как это сделать, я не знаю. Конечно, ответы на эти вопросы лежат в политической и общественной сфере. Как конструируются новые политические и общественные силы? Непонятно, не знаю.

И последнее, что я хочу сказать, обращаясь к Владимиру Владимировичу Бортко. Я, вообще, часто пересекаюсь с коммунистами. Знаете, говорят, кто в молодости не был коммунистом, тот не имеет сердца. Я вот с возрастом — приближаюсь, и даже к анархистам. Владимир Владимирович, Вы сказали очень простую вещь насчёт экономики и политики. Вообще, смысл хозяйственной деятельности — дать человеку работу, дать ему возможность заработать и дать возможность себя реализовать. А если у него есть талант — дать возможность хорошо себя реализовать. Дать возможность, если это частная экономика, заработать денег по-честному. Вот в чём смысл хозяйства, а не в том, чем нас нагружают.

Это очень простая вещь. И если надо страну оградить, немного оградить, какие-то барьеры поставить, чтобы, например, ивановские ткачихи могли что-то ткать,— конечно, надо это делать. Это и есть главное нравственное основание экономической политики: надо дать людям, миллионам людей, возможность жить и зарабатывать. Спасибо.

А. Н. Привалов

Блестяще! Идеальная фраза под занавес: жить и зарабатывать! — и на этих словах можно уходить.

Из зала: В Ханты-Мансийск.

А. Н. Привалов

Спасибо, Валерий Александрович. Евгений Янович, прошу Вас.

Е. Я. Сатановский

Коллеги, во-первых, слава Тебе, Господи, мы можем говорить здесь всё что угодно, потому что нас всё равно никто слушать не будет, и никакие мудрые мысли, которые мы здесь выскажем, ни до кого не дойдут. Решения, принимаемые лицом в единственном числе, судя по последнему сбору ОНФ, исполняются, по-моему, в 23%. Надо понимать, что все остальные решения, принимаемые всеми другими лицами, не исполняются в 100%. Надо трезво это понимать. А то мы тут все из себя граждан строим, а мы пока ещё подданные. И это тоже надо понимать. Империя пока распадается, как бы имитирует уважение к населению, хотя, в общем-то, всё с меньшим интересом к точке зрения этого самого населения.

Смотрите, коллеги. У нас всё хорошо потому, что по сравнению с тем, чем были Израиль, Южная Корея или Тайвань в какие-нибудь 40-е годы, — а по градации Лондонской экономической школы они были никем и звать их было никак по сравнению с Египтом и Кенией с их гигантскими ресурсами, — Россия, в общем, вполне себе существует, даже в нынешнем недоразваленном состоянии. Нормальная пульсация Империи, установившаяся у нас с 17-го года. Меняются территориальные границы, меняется общественный строй, и ничего нового по сравнению с Римом или Китайской империей мы не испытываем.

Это исторический процесс, вполне по Марксу, и я совершенно не знаю, развалится наша страна на субъекты Федерации или на меньшее число территорий, однако русскому языку здесь действительно ничего не угрожает. Он, поверьте, как и китайский, будет существовать. Мы вполне ушли в вечность. Другое дело — почему, но здесь страданий особых нет.

Если страна развалится, то только из-за идиотизма управляющего ею начальства. Или из-за того, как в 1991 году, что оно начальство — не сидящие здесь люди и не население, а те, которые наверху, решат выкроить себе каждый по стране, чтобы их не сняли, да ещё и денег себе своих напечатают. Никаких других причин там, в той же Беловежской Пуще, не было, ну и здесь их не будет. Просто другие начальники будут решать, из кооператива «Озеро» или губернатор какой, не знаю. Значит, поэтому нам было бы полезно провести ревизию остатков кадров и технологий.

Сегодня мы очень часто говорим о чём-то, но говорят в основном не те, кто сидят в реальной экономике, а юристы, финансисты, теоретики из университетской или академической науки — блистательные, но никогда в жизни не строившие ни одного завода. А я как человек, который заводы строил, могу сказать, что всё это имеет весьма маленькое отношение к жизни, включая, когда у нас госкорпорацию создают,

даже непонимание, что такое технологическая цепочка у какого-нибудь Композита или у Роснано. Абсолютное незнание высшего руководства, что в этой отрасли было сделано в Советском Союзе. Незнание, где кадры есть ещё, и где это ещё пока производится.

Далее. У нас, вообще-то говоря, очень важна демонополизация по бизнес-пространству, по экономике, если хотите, потому что ну нет разницы между производителями или теми, кто создаёт инновации (Медведев, видимо, не знает слова «новшество», потому он придумал, что оно называется «инновация»), или теми, кто коммерциализирует изобретённые продукты в университете или в Академии наук. У нас этого нет. В том числе потому, что у нас экономика — выбитое поле. Вы, когда заходите в африканскую саванну или в тайгу, вы же не видите там одних слонов или одних мамонтов, правда? Наша же экономика работает только на крупные структуры, неважно, гос это монополия или олигархические структуры, — точнее, на суперкрупные.

В любой нормальной экономике существуют фирмы и организации размером от мелкого хомяка до слона, и они все нужны. Безумно дорогостоящие вещи в хайтэке для того же Intel с его процессорами или для тепловизоров вы разрабатываете только на государственные деньги: это долго и это дорого. Невозможно иначе. Потом вы вбрасываете это в коммерческое поле — не у нас, а в нормальной экономике, — и там гигантское количество мелких и средних компаний доводит это до серийности на общемировом рынке, что даёт вам безумно дешёвую и обкатанную в больших сериях продукцию. А потом уже вы вбрасываете это обратно в вашу оборонку.

Это нормальный, совершенно стандартный везде, кроме нас, цикл, например, так называемой конверсии. Я не очень понимаю, почему, если этого добились израильтяне или корейцы, при том что у израильтян был социализм вполне советского типа и в значительной мере он ещё таким остаётся, — это невозможно у нас. Те же корейцы и израильтяне войны проходили. Настоящие войны, похуже, чем у нас кризис с Украиной. И как ни странно, войны не влияют на рост экономики, если вы не мешаете населению делать то, что оно в состоянии делать.

Нужна равномерность — не выбивание полянки, как у нас по Москве сейчас делается, когда мелкого и среднего бизнеса просто не будет, или когда мэру срочно понадобились деньги, и он убил порядка пятидесяти тысяч единиц мелкого бизнеса в Москве, а сейчас убьёт ещё порядка двухсот тысяч из оставшихся двухсот тринадцати. Или когда Сердюков сидел на налогах, и он просто под цифру, которую ему задали, выбил под корень средний и мелкий бизнес, который родился в 90-е годы. Он деньги-то собрал, но это примерно как вы посадили зерно, а потом сразу вырыли его и съели. Даже не потому, что это нужно было делать, а потому, что начальник велел цифру дать, — он и дал.

Вопрос кадров. Назарбаев разгоняет правительство, и у него остаётся двенадцать министерств. Я очень хорошо знаю, что происходит в Казахстане, который ровно

этим и занимается: он выходит из ловушки среднего дохода. И когда сидишь с тамошним премьером... С нашим сидеть бесполезно, Дмитрий Анатольевич человек разговорчивый, ему необходимо было оставаться аспирантов учить в вузе, не надо было руководителем быть. Это другой набор качеств; ни экономикой, ни чем бы то ни было руководить ему нельзя.

К большому сожалению, у нас нет того, что делает Назарбаев, который распечатал фонды, который отстраивает сегодня дороги и инфраструктуру. В Казахстане, который не сильно от нас отличается, и начинал с того же Советского Союза, принято решение: выстроить инфраструктуру по всей стране, как это делали американцы после войны, как это делали, строя свои автобаны, немцы,— инфраструктуру, на которую уже может потом прийти инвестор. Инвестор не будет строить дорогу, железную дорогу, прокладывать линии электропередач и газопровод, это не его дело. Этим может и обязано заниматься государство, если оно, конечно, хочет оставаться государством. Если нет — его не будет. А также сети аэропортов, а также, а также, а также... А также портовые хозяйства.

Вторая вещь, которую казахи делают помимо инфраструктуры, называется импорт компетенций. Вы можете называть это импортозамещением, вы можете называть это чем хотите, но если вы делаете у себя хорошую колбасу и хороший сыр на вашей собственной территории, это требует простой вещи — завоза тех, кто умеет это делать, и предоставления им льгот, чтобы они это делали у вас.

Опять-таки — районирование. У нас страна состоит из нескольких десятков разных стран. И то, что принесёт пользу Ближнему Востоку, совершенно неприемлемо для Рязанской области. Будьте любезны, рассмотрите вашу здоровущую дуру, завоёванную предыдущими поколениями правителей, как совокупность некоторого большого количества различных государств с разными природными условиями, разным личным составом населения и прочим, и прочим, и прочим. Введите, пожалуйста, для каждой из этих территорий свои условия развития, и тогда у вас что-то пойдёт. В данном случае кадры есть во всех местах, куда только ни плюнешь, за одним исключением — людей, принимающих решения.

На сегодняшний момент никакого развития страны не существует. Существует имитация развития страны. Имитационная экономика включена с давних времён, и именно поэтому у нас не существует ни одного нацпроекта, который дал бы какой-то результат. Всё это красиво упакованное враньё. И неважно, кто это враньё упаковывает, любимый мною в 90-е годы Анатолий Борисович Чубайс или Мау, или кто-нибудь другой, — потому что под этим всё равно в конечном счёте не должно быть результатов, а главное, чтобы про тебя забыли и вопросов не задавали. Ты красиво изложил, зачем тебе кусок бюджета отпилить, а потом главное, чтобы не спросили результат — вот наша классическая формула.

Условия игры — это стабильность, включая процент с коррупционных откатов. Если вы иначе не можете — скажите: 10% уворуй, из них, условно говоря, 5% отдай

номеру первому, 2% губернатору, а всё остальное — кому хочешь на нижних этажах аппарата. И то лучше будет. Стабильность правил игры даёт возможность бизнесу хоть как-то что-то рассчитывать.

Повторю ещё раз: ситуация, когда у вас нет стабильности и правила игры меняются на колене — как министерство вроде Минрегионразвития, которое за два месяца ликвидируют, меняя всё,— такая ситуация совершенно бессмысленна.

Снижение налогов необходимо. Говорю ещё раз: принцип пока что — содрать шкуру. А какое молоко потом со скотины? Шкуру-то уже содрали. Бизнеса и так мало, и его полностью выбивают. Под это дело нельзя рассчитывать, что в стране постепенно нормализуется ситуация, при том что юристы и финансисты, которые, к сожалению, управляют экономикой, а также страной, хорошо обеспечивают объяснение, почему надо делать то, что они делают. Никто, повторю, только не объяснил, если они такие молодцы, почему умирает одна отрасль за другой? Может быть, надо девушек в этом борделе менять, а не мебель переставлять, как говорили когда-то в Одессе?

А. Н. Привалов

Спасибо. Михаил Иванович, прошу Вас!

М. И. Москвин-Тарханов

Я с огромным удовольствием слушаю то, что говорится. Очень мне понравилась мысль, которая прозвучала у Игоря Алексеевича [Николаева]. Был бы сейчас спад на нефтяном рынке, случилась бы ситуация на Украине, не случилась — мы шли к тому, к чему мы пришли. Вот так постепенно мы исчерпывали все ресурсы развития — и нефтяной ресурс, и трудовой ресурс, и все прочие ресурсы, которые нам достались. Мы этот этап развития просто закончили. И теперь мы сидим и думаем: что может сделать правительство? Влить средства, скажем, и насколько это подействует? Дать «глоток бензина, который спасёт умирающего кота», но потом, так сказать, всё будет и дальше точно так же развиваться. Можно принимать решения, что-то лихорадочно пробовать делать, но старые источники в стране исчерпались, а вот новое-то не создано. Вот потому мне кажется, сейчас слово «стабильность» — великое слово.

Вообще, сегодня нужно «меньше суетиться под клиентом», а не «девушек менять», как тут предлагалось. Но в это наши руководители не в силах поверить, не могут смириться: все пытаются что-то организовать, расшевелить, влить, принять новый налог, создать закон, ещё что-то сделать, ещё что-то, ещё и ещё...

Вот эта та суета, которая кроме как дезориентации не приводит ни к чему, но мешает вырваться новым отношениям, вызвать к жизни новые источники развития общества. А попытки порой идут суетливые и бессистемные. То давайте соберём больше налогов и сделаем ставку на большой бизнес. Нет, давайте уменьшим налоги и сделаем ставки на малый бизнес. Причём в октябре сделали на малый, а в марте

М. И. Москвин-Тарханов

решили всё-таки на большой. Это ни к чему хорошему не приводит. Это приводит только к неприятным и опасным ситуациям.

Мне кажется, что здесь ситуация такая, которую я попытаюсь изложить в терминах моей первой профессии — биологии. Вот организм болен. И простачки некоторые считают, что можно надавать больному большое количество разных лекарств, и он сразу выздоровеет. А он не выздоровеет, у болезни свой ход и характер. Как говорят, грипп без лечения длится целых две недели, а с лечением проходит всего за четырнадцать дней. Организму нужно выработать антитела, подавить размножение вируса, снять воспалительные процессы, успокоить организм. Это всё делает сам организм, а врачу с лекарствами ему нужно только осторожно помогать и следить, чтобы не возникли осложнения.

Так вот и сегодня, на этом этапе развития России вмешиваться в её экономическую жизнь с новыми изобретениями экономического и управленческого ума (в чём Россия, за известными исключениями, никогда не была особенно сильна) надо как можно меньше. Мы можем напортить только. Самыми разными действиями, самыми на вид хорошими, а всё равно напортим. Особенно если экспериментировать с налогами.

Очень опасно в этой ситуации то, что может пострадать самый массовый мелкий предприниматель. Вот в Москве есть такая опасность. А массовый предприниматель, малый предприниматель — это большая социальная сила.

Вот я тут почитал мемуары участников киевского Майдана. Как он начинался в самые первые дни, что особенно интересно. Так, вдруг узнала киевская интеллигенция, богема, офисная мелочь, блоггеры, зеваки, правозащитники и ещё разные модные люди, киевские мультикультурные ведьмы и гарные хлопцы лет семидесяти с филфака университета, что Янукович не подписывает эти самые, долгожданные, самые-самые европеоидные документы об интеграции. Вся эта тусовка стала лихорадочно созваниваться, сарафанное радио включилось — «безобразия», мол, — и высыпали на майдан по заведённому киевскому ритуалу. «Стоим», — пишут — «на Майдане, и не знаем, что делать, холодно». Холодно, собрались, и думают, сколько ещё здесь простоят, пока не заоченеют...

И вдруг толпой привалил малый бизнес, с одеялами, с палатками, с пирожками, пампушками, горилкой, салом и со всем прочим. За ним тут как тут студенты, пирожки хватают, за ними болельщики, сметают всё подряд и прочие. А всё новое и новое несут и несут. Малый бизнес оказался не самим динамитом, но он оказался пистолетом, запалом, первым зарядом, потому как он был недоволен, он был разозлён, он был обижен властью и огорчён. А потом прибыли «западенцы», тоже закусили, и пошло-поехало, кровью запахло. Для нас это хороший урок.

Вот сейчас, мне кажется, важным приоритетом для нас является политика — не раздражать малый бизнес, дать ему спокойно жить, помочь, поддержать, пусть добрым словом и малым делом, но поддержать. Он создаст нам рабочие места, он сам прокормится и других прокормит, и не даст нам в трудной ситуации перейти в какую-нибудь революционную ситуацию, и сам не станет в заварухе участвовать в массе своей.

Не дай Бог, чтобы было, как на Украине, — вот это страшное само и есть. Поэтому, мне кажется, что сегодня действительно надо меньше и меньше принимать волевых действий, а больше следить за ситуацией и плыть по течению, не суется, огибая камни и крутые берега. А дальше, когда ситуация станет более определённой, начинать управлять тенденциями развития, поддерживая ростки нового. Надо быть сегодня садовником, а не каменщиком, выращивать, а не строить абы что, наугад, без чертежа и проекта.

А. Н. Привалов

Спасибо. Александр Григорьевич, прошу Вас.

А. Г. Механик, обозреватель журнала «Эксперт»

Ну, во-первых, я хотел сказать, — господин Сатановский несколько раз сказал, что мы бесполезно собираемся, и бесполезно говорим, — капля камень точит, и пример нашего журнала показывает, что многолетнее долбление нашего правительства

А. Г. Механик

нашим видением экономической ситуации показывает, что подвижки есть. И, скажем, политика ведения бизнеса, которой добивается Минпромторг, близкая нашему журналу, серьёзно отличается от политики, которую декларируют Минэкономразвития и Министерство финансов. Я думаю, что не в последнюю очередь это результат работы нашего журнала.

Но это и одна из проблем нашего правительства: правительство не представляет собой единую команду, его тянут в разные стороны. Эта проблема отягощает сложности, с которыми сейчас столкнулась страна. Но рано или поздно политическому руководству придётся решать вопрос, какая всё-таки из политик, декларируемых, по крайней мере, Министерством промышленности или Министерством финансов, — правильная, придётся выбирать.

Вторая проблема, на мой взгляд, — у нас разучились планировать и осуществлять крупные проекты. Представители промышленников жалуются на то, что молодёжь приходит из институтов, не понимающая, что такое крупный проект, зацикленная на каких-то мелких вещах. Понятно почему — потому что страна живёт без крупных проектов, и молодёжь их не воспринимает.

Но и люди, которые стоят у руля, тоже не умеют осуществлять проекты. Самый наглядный пример — это провал пресловутого ГЛОНАСС. Многие участники проекта руками разводят. Они не могут понять, в чём дело. Дело не в том, что там украли деньги, — возможно, их украли, — а дело в том, что там просто не сумели организовать работу. То есть провал не из-за того, что денег было мало, или даже не из-за того, что разворовали, а потому, что не смогли организовать работу. Сколько лет прошло с тех пор, как запущен этот проект, а он всё в подвешенном состоянии. И похоже, что никто уже не знает, как к нему подступиться. Нет людей, которые способны осознать всю эту проблему, выстроить цепочку решений и т.д. и т.п. Нет людей, способных решать большие задачи. И это одна из наших больших проблем — кадровая проблема.

Один из подходов к решению этой проблемы — это выращивание национальных чемпионов. Это то, чем занималась та же Корея, которую здесь неоднократно поминали, — поддержка компаний. Понятно, что в этом можно ошибиться, и наверняка могут быть крупные проколы, тем не менее — поддержка компаний, чья продукция или чьё направление развития потенциально может быть прорывным не только в России, но и в мире в целом. И такие компании есть, хотя их, может быть, немного.

Почему эта политика не удаётся? Такое впечатление — потому что возникает страх и у начальства, и у тех, кто даёт деньги и поддерживает компании, что это будет истолковано как коррупция. Валерий Александрович [Фадеев] говорил о том, что коррупция превратилась в какой-то фетиш. Но проблема заключается ещё и в том, что страх перед коррупцией или перед тем, что это будет истолковано как коррупция, зачастую останавливает реальные действия. Хотя я хочу напомнить, что в царской России все железные дороги были построены по таким коррупционным схемам, которые нам и не снились. Но они были построены. И для нас сейчас это главное.

Я уже сказал о расколе в правительстве, который мы наблюдаем, но проблема финансово-экономической части правительства, по-моему, ещё и в его исключительной идеологизированности. Люди идут к принятию решений не от реальных проблем, а от своих идеологических предпочтений. Наш премьер несколько раз говорил, обсуждая возможные решения каких-то проблем, что «это не соответствует нашей идеологии». Меня это поразило, последний раз я слышал подобные речи где-нибудь в 80-м году! Вопрос не в идеологии же, а в том, чтобы экономика развивалась!

И ещё два замечания. Первое — относительно протекционизма. История развития всех экономик мира показывает, что без определённой доли протекционизма развитие экономики невозможно. Этому даже было придумано название премьер-министром Витте: «протекционизм развития». Ему помогал Менделеев, который специально подходил с точки зрения высокой науки к разработке таможенного тарифа и посвятил этому большой научный труд. Какие отрасли надо защищать

и поддерживать с помощью протекционистских мер, а какие наоборот надо открывать? Этим никто у нас так основательно, как Витте и Менделеев, не занимается. У нас представление о протекционизме как о сталинской системе: отгородиться от всего мира. На самом деле это очень тонкая вещь.

И последнее. Здесь уже звучало, что нужно развивать малый бизнес, но одна из проблем малого бизнеса и отсутствия инноваций в том, что нет промышленности, тех самых чемпионов, которые эти инновации потребляют и которые пользуются услугами малого бизнеса.

Недавно я взял интервью у предпринимателя средней руки, который на своём предприятии разрабатывает электронные блоки управления строительной техникой. Я его спрашиваю: в чём Ваша проблема? А проблема в том, что у нас перестали производить строительную технику. И у него весь бизнес встал. А у нас ведь закрылись заводы по производству строительной техники практически полностью. Мы выпускаем сейчас порядка нескольких сотен бульдозеров в год, в то время как в Советском Союзе их выпускали десятками тысяч. У нас закрылись тракторные заводы. Практически все сельскохозяйственные тракторы — это либо белорусские, либо американские. У нас остался только один комбайновый завод, и тот держится на энтузиазме владельцев. Бабкин⁶ — известный человек, который даже Президенту Путину презентовал бумагу, — почему в Канаде он может производить трактора и комбайны, а здесь держится только благодаря своему энтузиазму?

Решить проблему поддержки крупных предприятий, возвращаясь к теме, необходимо не только для того, чтобы у нас были только крупные предприятия, а потому, что эти крупные предприятия становятся потребителями малого бизнеса, инноваций и всего прочего. Эту задачу тоже, ну, хочешь, не хочешь, а надо решать.

А. Н. Привалов

Спасибо. Даниил Борисович — прошу.

Д. Б. Дондурей

Мне кажется, в попытках обсудить выход из положения внутри экономики все, кроме Сатановского, который произносит какие-то идеи, другие стесняются это делать — назвать другие причины проблем. На мой взгляд, и закрытие малых предприятий, и недоверие государства и бизнеса, и вывоз капитала, и централизация безмерной страны, и непрозрачность, и всё, что связано с отделением экономики от политики, с отторжением частной собственности если не тремя четвертями, то двумя третями населения нашей страны, и многое-многое другое — это классические культурные модели, которые не реформировались с 20-х годов XX века.

⁶ Бабкин Константин Анатольевич (1971 г.р.) — президент ЗАО «Новое Содружество» и ассоциации «Росагромаш», председатель федерального политического совета «Партии дела».

Все изменения системы не поддержаны адекватными культурными матрицами, моделями, программами, ценностями, картинами мира, моралью. Здесь никто не говорил о морали. Здесь, в сущности, никто не говорил о конкуренции. Этого нет в телевизоре, — основной продукт современного российского мира, — изготавливающим массовые представления о происходящем. Там вы этих тем не увидите.

Г-н Вьюгин говорит о другом договоре. А он не может быть, другой договор, потому что договор здесь, в России, давно феодальный, или квазисоветский, что одно и то же. Он мощный, он обустроен в сознании и государя, и народа, и элит, которые получают преимущество. Все элиты рядом с государем, и они едины — это гигантская проблема, её никто не начал решать. Её не начали осмысливать.

Мы говорим, что мы что-то поправим в экономике, но Россия не конкурентоспособна по всем направлениям жизни — от продуктов, товаров и услуг до инноваций, до продажи культурных продуктов, до состояния морали на фоне других стран мира и т.д. Мы не конкурентоспособны. Природа причин, программы, конкуренция программ в том, чтобы в головах людей выстроить другие платформы, — этим никто не занимается. И пока мы будем думать, что можно поменять какую-то политическую персону, и что-то изменится, — ничего из этого не получится.

А. Н. Привалов

Профессор Тамбовцев — прошу, три минуты на выступление.

В. Л. Тамбовцев, профессор экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Я ровно по одному сюжету, который мой уважаемый предшественник затронул по поводу кодов, матриц и всего прочего.

Есть такой миф, который называется «культурный код». Это, в общем, некая придумка, автор которой в точности неизвестен. Смысл его в том, что в культуре любой страны есть некий неизменяемый инвариант, и если его сломать — и культура, и народ, и страна исчезнут. Есть работа, где затронуты вопросы происхождения этого термина, и, по мнению её автора⁷, вроде бы его придумал в России в 1992 году отечественный философ Карл Моисеевич Кантор⁸. Но я посмотрел Интернет — этот термин появился ранее на Западе⁹. Иногда говорят, что о культурном коде говорил мой учитель Ефрем Залманович Майминас. Это опять не так, поскольку он говорил о социально-экономическом генотипе, но генотип — это механизм не только наследования,

⁷ Shestakov A. A. Cultural code concept in contemporary world. Department of Public Administration and Organizational Theory. Bergen University. Spring 2008. <https://bora.uib.no/bitstream/handle/1956/2861/47382752.pdf?sequence=1>

⁸ Кантор К. М. История против прогресса (опыт культурно-исторической генетики). М.: Наука. 1992.

⁹ Например, см.: Rosenberg L. J., Thompson G. J. Deciphering the Japanese cultural code // International Marketing Review. 1986. Vol. 3 Is. 3 P. 47–57.

В. Л. Тамбовцев

но и изменчивости. А пресловутый код, о котором многие теперь так любят говорить, это что-то застывшее и неизменяемое.

Почему это миф? Да по той простой причине, что само представление о национальной культуре как совокупности ценности,— это из Гирта Хофстеде. Это настолько «толстое» решение, как выразился один из наших докладчиков, что оно просто лишено смысла. Все люди в любых культурах разные, и у всех свои ценности, хотя нормы поведения во многом схожи, и эти нормы весьма изменчивы, о чём говорит вся история. Так что пресловутый культурный код — это придумка тех, кому это выгодно утверждать, что как было, так и есть, и будет.

Вот мой сосед [В. Бортко] говорил, что меры, о которых говорил Игорь Алексеевич, взрывают Российскую Федерацию. Да не Российскую Федерацию они взрывают, а они взрывают широкий слой государственных служащих всех уровней и источники их доходов. Вот что они взрывают. Если эти меры реализовать, значительная часть госслужащих останется без привычного прикорма. Российская Федерация как страна была, есть и будет. Только госслужащие будут другие, которые будут рассчитывать не на то, как в песенке пелось: «каждый сам ему приносит и “спасибо” говорит», а на то,

А. В. Голубев

что они за достойную зарплату будут достойно выполнять свои служебные обязанности. По-моему, такие другие люди могут появиться, если всем остальным не доказывать ежечасно и ежеминутно, что культурный код всё определяет и что он неизменен. Спасибо.

А. Н. Привалов

Так, мы приближаемся к завершению заседания. Последний выступающий — господин Голубев. Прошу!

А. В. Голубев, *руководитель отдела по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН*

Я, как всегда, постараюсь коротко. Сегодня затронули вопросы, которые всегда меня интересовали,— о социокультурном контексте, в котором развивается экономика.

У Джерома К. Джерома есть такая относительно малоизвестная книга «Трое на велосипедах» о том, как три героя путешествовали по Германии на велосипеде. И вот такое впечатление, что человек, прочитавший эту книгу, которому надо было ехать

на Северный полюс, взял велосипед и отправился на Северный полюс. Ему говорили: слушай, там ледяные торосы, какой велосипед? На что он отвечал, цитата: «Законы экономики, как законы физики, одинаково действуют в любой среде». Другими словами, велосипед везде хорош. Ну, результат понятен.

И вот теперь мы слышим другой вариант: конечно, я не могу доехать на велосипеде к Северному полюсу, потому что там ледяные торосы; значит, надо там, как в Германии, проложить песчаные дорожки с зелёными лужайками по бокам, и тогда я точно на велосипеде доеду к Северному полюсу.

А надо было бы сесть на нарты.

А. Н. Привалов

Абсолютно согласен! Александр Владимирович Захаров, прошу.

А. В. Захаров

Вы знаете, у меня такое ощущение, что курс доллара, как барометр, нам в очередной раз просто показал, что в экономике серьёзные проблемы. И сейчас просто идёт спор, в какой стадии экономического кризиса мы находимся.

А у меня такое ощущение, что мы находимся в преддверии конца эпохи, которую я бы назвал эпохой великих имитаций, её диагноз — неспособность к развитию. Вот так же, как Советский Союз на фоне низкой цены за баррель ушёл со сцены с диагнозом «неспособность к развитию», мы спустя почти двадцать пять лет делаем вид, что строим рыночную экономику! И к чему мы пришли?

Я считаю, что двадцать с лишним лет все общественные договоры с бизнесом были имитацией, и это привело к тому, что честный бизнес вести в нашей стране просто невозможно. Не-воз-можно! Недавно в журнале «Эксперт» была опубликован материал под заголовком «Мы ничего не производим». Авторы этого материала пишут, что в четырёхсотстраничной «Стратегии–2020» нет упоминания о промышленной политике вообще. Это было под большим табу почти двадцать с лишним лет, и длится до сих пор. Мы хотим из стадии без индустриализации вступить в стадию постиндустриального общества.

Но чем отличается ситуация сейчас? Почему я считаю, что мы находимся не в стадии или преддверии какого-то очередного кризиса, а вообще перед более серьёзным выбором? Потому что для этого есть фундаментальные причины: изношенность инфраструктуры, отсутствие ресурсов, системное сворачивание промышленного производства. Какие там 25 миллионов высококвалифицированных рабочих мест! Мы отрасли сворачиваем! Отсутствие понимания, что мы делаем, и чисто гегелианский подход — Сатановский об этом сказал: все двадцать с лишним лет обосновывается разумность существующего порядка вещей. Даже 100-миллиардный, по официальным оценкам, вывоз капитала — тоже разумно, потому что у нас «открытая экономика». Вот поэтому сейчас мы стоим перед очень

серьёзным выбором, гораздо более серьёзным, чем очередной экономический кризис.

Это не связано ни с санкциями и ни с ценой барреля. Советский Союз рухнул не из-за барреля, а по другой причине. При той же цене 7,9 или сколько там долларов за баррель другие страны тоже жили.

Сейчас ножницы между воображаемой и реальной действительностью стали больше, чем в советское время. Общество никак не влияет на власть. Как сказал опять же Сатановский, ребята, говорите всё, что угодно, вас записывают, но вас не накажут, потому что всё, что вы говорите, никакого значения не имеет.

Почему я считаю, что сейчас никакого значения не имеет кадровый состав? Правительство должно приходить с экономической программой, и за эту программу отвечать! Губернаторы должны приходить с экономической программой, и за это отвечать. Но у нас никто не отвечает за экономику, и спустя почти двадцать пять лет так называемых экономических реформ мы говорим, что у нас нет разработанной стратегии экономического роста. И нет воли к её исполнению. Очень сложная ситуация. Мы как общество, надеясь, что что-то услышит и власть, должны обнаружить эту волю к развитию. Должны проявить волю к развитию, как волю к жизни,— другого выхода нет.

А. Н. Привалов

Это не верно, что у нас нет никакой воли. У нас есть воля к таргетированию инфляции. Прошу, Игорь Алексеевич, ответное слово содокладчика.

И. А. Николаев

Я прошу с пониманием отнестись к тому, что я, естественно, не могу не отреагировать на многие совершенно правильные и верные замечания и предложения. Что-то даже замечаниями нельзя назвать. Отвечу господину Бортко.

Знаете, суэта в правительстве, чехарда, проблемы низкого уровня доверия и т.д.— безусловно, это надо решать. Но не эти проблемы привели к ситуации к кризису, который мы сегодня обсуждаем. Этот кризис — мне от этого досадно, обидно, называйте, как хотите, — это не обязательный кризис. В том смысле, что это не кризис начала 90-х годов — неизбежный трансформационный кризис при переходе от одной экономической системы к другой, не 2008–2009-й годы — мировой финансовый кризис, все в одной лодке и т.д. Сегодня мы вполне могли не оказаться, и должны были не оказаться, в этой кризисной ситуации, но мы входим в неё. Мы входим из-за тех самых проблем, о которых я говорил.

Что касается санкций и антисанкций — к ним я отношусь, как экономист. Наш анализ говорит о том, что, конечно, можно, и опыт того же Ирана говорит о том, что можно десятилетиями жить с санкциями, но только это будут вполне определённые, не очень хорошие экономические перспективы. Поэтому если мы обсуждаем, как

выходить из кризиса, действительно этого хотим, то вопрос санкций-антисанкций надо решать.

Виктор Меерович [Полтерович] говорил — отделить экономику от политики. Вообще-то, это совсем не бесспорно — развалится страна или нет. С моей стороны была попытка ответить на вопрос: вы с санкциями можете выйти из кризиса или не можете? Давайте так: я уверен, что нет. И мировой опыт об этом говорит, и наш, к сожалению, опыт уже говорит об этом, потому что мы погружаемся в кризис, и это будет продемонстрировано, на мой взгляд, с вероятностью 100%. Только, к сожалению, издержки будут большие для людей. Да, да.

Вы говорите, антигосударственные меры? Переориентация бюджетных приоритетов — это что, антигосударственные меры? Невозможно понять, как мы можем сегодня в бюджете увеличивать расходы на оборону на 32,8%, одновременно сокращая расходы на здравоохранение на 21,4%? Уповаем на то, что в здравоохранении будут страховые деньги? Но в кризис в таком объёме они там не появятся.

О майских указах уже говорилось. Поэтому, как я уже сказал, это попытка сформулировать самое первоочередное. А практически с очень многим, что здесь звучало, я полностью согласен. Здесь я повторяться не буду.

А. Н. Привалов

Огромное спасибо. На правах ведущего займу полторы минуты вашего времени.

Господа! Социокультурный контекст, память личности, менталитет, культурный код — всё это замечательно, хотите в граните отливать — отливайте, всё это чудесно.

Те, кто имеет какое-то отношение к экономике, осознайте, пожалуйста. В течение, по-моему, уже больше чем полугодя у нас в стране денежная масса растёт медленнее, чем инфляция. Перераспределяй направление бюджетных трат, не перераспределяй — смазки в моторе всё меньше. Он, сволочь, скоро встанет совсем. Это не относится ни к культурным кодам, ни к менталитету, ни к «есть такая партия» или нет такой партии. Это такой естественнонаучный факт: она встанет, вот хоть ты что!

Была знаменитая история. Какой-то парень, медик, не помню его фамилии, объяснял, что астма происходит от чрезмерного потребления кислорода. Он говорил, мне наплевать, есть ли у этого человека голова. Вот отрубите ему голову, я ему велю учащённо дышать, и у него будет приступ астмы. Вот так и тут: мне наплевать — то есть, вообще-то, не наплевать, но в данном контексте мне наплевать, — какая в нашей с вами стране политика. Отрубите политику. Любая политика, но если денежная масса растёт медленнее инфляции — это кризис, причём кризис вполне рукотворный, я согласен с Игорем Алексеевичем.

Дальше, что чрезвычайно важно и о чём никто не хочет думать, потому что это говорить страшно. Потому что не только денежная, а экономическая политика,

которую ведёт одна и та же команда в течение примерно пятнадцати лет,— это вообще уникально. В качественно разных исторических условиях, на качественно разных этапах существования страны командует одна и та же команда с одной и той же жесточайшей идеологией. Само по себе это уникам. Это если не Нобелевская премия, то это премия Дарвина.

Эта самая команда командовала, устроив вот какую вещь. Значит, страна была вроде бы единой в рамках, как справедливо замечает Владимир Владимирович [Бортко], нынешней границы, но на самом деле их было две. Экономик было две. Была экономика крупняка, которая купалась в деньгах, у которой деньги текли из ушей. Почему — потому, что в стране достать деньги было нельзя, но они имели доступ к внешнему финансированию. И была внутренняя экономика, у которой песок в двигателе, и которая через пень колоду развивалась, как могла. Вот когда немножко больше денег наливали, она как-то развивалась. Немножко меньше — ну, как сейчас.

Так это же дело, господа, закончилось санкциями. Рыбами на песке валяется крупняк, это же очевидно. Про это никто не говорит. Вот как мелкий и средний бизнес не знал, где взять три рубля не то что на развитие, на выживание, так сейчас и с крупняком. Ну, не совсем так. Значительная часть крупняка пристроилась иначе: вот там у нас сейчас есть Фонд национального благосостояния, мы его перераспределяем; можем хорошо, можем плохо, можем, как хотим.

Но фонд-то этот один, он разовый. Никакая разовая сумма в жизни ничего не решает. Мы это по собственной бытовой практике прекрасно знаем. Что-то серьёзное означает только денежный поток. А потока нет, поток санкциями перекрыт. Санкции, конечно, не навечно, на этом свете ничего не вечно, это понятно. Но что они, скорее всего, пробудут достаточно долго, для того чтобы оказать своё влияние на ход событий, это тоже очевидно.

А насчёт того, что проектов никто делать не умеет — а как вы хотели? Если у человека в голове крупными буквами написано: EBITDA¹⁰.

Реплика

Что это? Это приличное слово?

А. Н. Привалов

Приличное, формально оно приличное. Но если написано только это — больше в голове просто ничего не помещается. В нормально устроенном обществе должны быть люди, у которых это слово написано большими буквами в голове, и должны быть люди, у которых другие слова написаны в голове, и они должны как-то взаимодействовать. Должен быть свирепый, жуткий, мерзкий и всеми ненавидимый министр

¹⁰ EBITDA — Earnings before interest, taxes, depreciation and amortization — «прибыль до процентов, налогов и амортизации», бухгалтерский параметр оценки коммерческой организации.

финансов, но он должен быть один. Правительство, состоящее из министров финансов, — это безумие.

Ну, а так всё остальное...

А. В. Захаров

Что делать? — последний вопрос.

А. Н. Привалов

Жить! Василий Васильевич Розанов, покойный, в гораздо более печальной ситуации сказал, что делать: летом варить варенье, а зимой пить с вареньем чай. Я настоятельно советую этой замечательной максимы не забывать. Спасибо. Всего доброго!

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте». Выпуск 70

«Можем ли мы преодолеть экономический кризис?».

Выпуск 70 — М., 2014. — 64 с.

«Можем ли мы преодолеть экономический кризис?» Текущая макроэкономическая политика в стране состоит в таргетировании инфляции. По словам В. Фадеева, главного редактора ж-ла «Эксперт», проводимая денежная политика — высокие процентные ставки, денежное сжатие и борьба во что бы то ни стало за снижение инфляции — абсолютно противоречит целям, которые должны быть поставлены перед хозяйством и перед системой управления, перед государством. Эта политика приводит к сокращению производства и росту цен. Ровно такой вывод сделал Милтон Фридман в своей книге «Денежная история США»: неправильная денежная политика — один из важнейших факторов, ввергших экономику США в Великую депрессию; ФРС трижды жёстко зажимала денежную массу, и все три раза экономика США реагировала падением. Фридман написал свою книгу через тридцать лет после Великой депрессии, еще через тридцать два года Бен Бернанке (экс-руководитель ФРС) поблагодарил Фридмана за науку, как действовать во время кризиса. В числе прочих аргументов В. Фадеев, физик по образованию, приводит следующий: если наблюдая один феномен, его можно сопоставить с другим, — почему бы этого не сделать? Как преодолеть экономический кризис — вопрос политический.

ББК 65.9(2Рос)-97

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 70
«Можем ли мы преодолеть экономический кризис?»

Редактор выпуска Н. М. Румянцева
Фото — Московская Биржа

Вёрстка М. Ю. Иванюшин
Подписано в печать 16.12.2014.
Заказ 15617. Тираж 400.

© Московская Биржа, 2014
© Никитский клуб, 2014